

МАРИЯ СВЕШНИКОВА

18+

ЖИТЬ БЕЗ ТЕБЯ

Мария Свешникова
Жить без тебя
Серия «Мария Свешникова.
Лучшие романы»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69301561

*Жить без тебя:
ISBN 978-5-17-156237-3*

Аннотация

Провокационный автофикшен о несправедливой жизни в эпоху тотальной осознанности.

В этой книге каждая женщина найдет отражение – или своего прошлого, или своего будущего.

Содержание

От автора	5
Предыстория	7
МКС	20
Без мужчин	36
А ведь все начиналось нормально	47
Давайте теперь обо мне	60
Моя слабохарактерность	81
Риски меня как проекта	101
Конец ознакомительного фрагмента.	104

Мария Свешникова

Жить без тебя

© Мария Свешникова, текст, 2023

© ООО «Издательство АСТ», 2023

*Жизнь, прожитая на глазах у писателя,
становится собственностью писателя.*

От автора

За просмотром захватывающего сериала или во время прочтения запутанного романа меня всегда волновало, какую жизнь нужно прожить, чтобы исторгнуть из себя подобное. Оказалось, вполне обычную. Ту жизнь, что проживают миллионы женщин, никогда не решаясь переложить ее на бумагу.

Надеюсь, в этой книге вы узнаете себя и поймете, что каждая из нас способна на большой эпохальный роман, как минимум сама с собой, и вольна жить свою удивительную жизнь. Если не замазывать ее тональным кремом, стараясь соответствовать социальным представлениям о том, как «правильно», она станет захватывающей и неповторимой.

Я живу неправильную и несправедливую жизнь. И, поставив точку в этой книге, которая состоит из моей личной истории, как огурец из воды, я поняла: ни о чем не жалею.

А если «Жить без тебя» поможет и вам перестать жалеть о содеянном и не, значит, каждая моя ошибка была совершена не зря. А если вы продолжите винить себя за косяки, то у вас всегда будет книга, прочтя которую, вы поймете, что ваши огрехи – лишь легкие потертости. И с меня тональный крем.

Из уважения к частной жизни героев моей бурной молодости все имена изменены.

Предыстория

У нас с моим психологом Ирой странные отношения. Иногда с позволения друг друга мы в словесном прыжке пересекаем личные границы и даже переходим на цензурную брань. Оказалось, со мной работает только так. Долгие задушевные откровения с длинными заходами – мимо. Я обратилась к ней по совету аллерголога. На фоне стресса титры зашкаливали, и даже корги, валяющиеся в ногах посетителей кафе на верандах, заставляли меня, задыхаясь, нащупывать

в сумке преднизолон.

Ира сразу мне дала понять: творческих людей лечат по верхам. Как и политиков, миллиардеров, талантливых ученых и всех, кто монетизирует свой невроз. Если их пересобрать до нормального человека – уйдут разводы на стеклах, что преломляют солнечный свет в причудливый узор. Поэтому они и практикуют коучинг, а не EMDR ¹, юнгианский психоанализ и когнитивно-поведенческую терапию. А еще йогу и цигун.

Мы никогда не трогали с Ирой личную жизнь – с ней у меня в те времена все складывалось ровно. Сначала я была третий раз замужем, оставив за спиной мытарства и гормональные кульбиты, которые совершала в бурной молодости. Более того, на первое официальное свидание с третьим мужем я отправилась именно после первого сеанса с Ирой – по иронии судьбы. Потом мой третий брак распался – настолько безболезненно, что я сообщила об этом Ире постфактум. Лишь через неделю, и то по причине того, что стоило моему третьему мужу съехать, как я получила предложение родить детей и сменить фамилию от давнишнего друга. Когда в студенческом возрасте астролог взглянула на мою натальную карту и обронила «С таким седьмым домом замуж будешь

---

¹ EMDR – дословно «десенсибилизация и переработка движениями глаз», метод терапии, который был разработан для лечения посттравматических расстройств.

ходить как на работу», я не придавала сказанному значения. Я не думала, что она буквально. Если сейчас вы мне завидуете, не стоит. Прочтите еще пару глав, и вам если не станет меня жалко, то точно полегчает.

Я всегда хотела провести жизнь с одним человеком без того, чтобы вечно решать систему уравнений. Просто X и Y соединились в точке графика и пошли по параболе вверх – в светлое будущее. Что этого не случилось – мой глубокий порез, драма и бич времени, где раз и навсегда – скорее искривление пространства Лобачевского, чем незыблемый закон всемирного тяготения Ньютона.

Так вот, вернемся к психологу. Теперь вы понимаете, что он мне действительно нужен, и это не просто дань моде, чтобы козырнуть заумными терминами. Наше с Ирой общение заложило фундамент глубокого самокопания: я пыталась понять себя или, как сейчас принято говорить, принять свою тень. Почему я делаю все то, что раньше приносило мне удовольствие или удовлетворение, однако ничего не чувствую? Будто отключили от источника питания. Почему я одновременно в отношениях и хочу из них бежать?

Я медитировала на ковре возле камина в своей съемной квартире в дореволюционном доме в Плотниковом переулке. Тихо молилась, когда оставалась одна, держала посты на Йом-Кипур ² и 9 ава ³. Занималась йогой по утрам до

---

² * День покаяния и искупления у евреев.

набухших вен на лбу в перевернутых позах, делала зарядку у турника, пробовала все системы питания. Даже пыталась пропить курс антидепрессантов, но на них у меня тоже оказалась аллергия. Как-то вычитала у французского писателя Базена: «Брак похож на осажденную крепость: те, кто снаружи, хотят попасть внутрь, а те, кто внутри, пытаются выбраться». Это как нельзя точно характеризовало мое состояние осенью прошлого года.

Меня снова отправили к Ире, чтобы та помогла мне совладать с ретивым гипофизом. Мы с Ирой искали мое запрошенное счастье и были на ты. Позволяли себе вкрапления хохота и все ждали, когда я устану ковыряться в творческом кризисе и профессиональном выгорании – и мы наконец выпьем вина, как подруги. Каждый сеанс она намеревалась от меня отделаться – потому что не видела ни травм, ни драмы. Мне и самой казалось, что я просто творческий человек, который через переживания пытается катализировать процесс написания сценария или книги. Это же мой хлеб и моя отдушина.

А еще психолог на полтора или два года заменила мне подруг. Выговариваться за деньги оказалось удобно и выгодно всем участникам процесса. Когда внутри накипело, не надо выслушивать стенания по ерундовой проблеме ради прили-

---

³ Национальный день траура еврейского народа.

чия, в ожидании своей очереди на нытье. Тебя внимательно слушают с первой минуты, и ты этим априори не напрягаешься. Очень честно. А с подругами я лучше полетать на трапеции схожу или в театр на какую-нибудь абсурдную постановку выберусь. Тем более, с некоторых пор, личную жизнь я закрыла на замок. Третий развод я тщательно скрывала. Сколько могла, даже от собственного отца.

Осенью 2022 года мы с Ирой плюнули на этику, списались, как подруги, и встретились на бокал вина и лучшие хинкали в перечном соусе на Патриках. Моя психолог родом с Украины, эдакая бравая одесситка с невероятной харизмой, играючи покорившая Москву, мать двоих детей – все от одного мужа, с которым уже давно и по любви. Весной того же года, когда мы дружно попали в политический замес и эмоциональную мясорубку двух наций, я впервые услышала историю ее жизни. Ее книгу, которую, возможно, она когда-нибудь напишет. Тем кровавым мартом мы поменялись ролями – я стала отправлять ей «Как ты?» и «Чем я могу тебе помочь?». Оказалось, помощь – это просто выключить звук на телефоне и сесть за уютным столиком в углу, открывшись для обоюдных откровений. Прошное и молодость стали отделены от нас не точкой, но чертой невозврата.

И вот незаметно мокрыми лапами вломилась осень со сварливыми ветрами и свинцовым небом. Мы с Ирой все так же в сумеречной зоне, но держимся друг за друга. Снова на-

ше любимое секретное место – где грузины лепят крохотные хинкали и щедро заливают их перечным соусом. Пока Ира выходила на улицу созвониться с няней, я взяла телефон в руки и обнаружила сообщение из прошлого.

– Ты чего улыбаешься? – она бесшумно подкралась и вновь присела рядом.

– Я?

– Ну не я же, – Ира покрутила бутылку вина, решая, заказать ли еще одну.

– Да так. Пишет тут один... – За вранье, особенно самой себе, я всегда знатно получала от Иры. Повторюсь, со мной работают странные методы психотерапии. – Бывший любовник.

– Насколько бывший? – иронизировала она, пытаясь выудить в небольшом ведерке не растаявший кусок льда.

– Мы общаемся десять лет. С разной интенсивностью и периодичностью.

– Подожди-ка. – Она опустила щипчики, плюнув на лед, и принялась считать. – Ты хочешь сказать, что он появился сразу после твоего первого развода и пересидел двух мужей и три фатальные влюбленности? – Ира задумалась, застал ли он первого. – Двух же, не трех? Хотя все равно крипово, – пустила она в ход подростковый сленг. Видимо, няня дала трубку старшему ребенку.

Я никогда не задумывалась так радикально, почему лю-

бовник в моей жизни – самая устойчивая фигура. Из уст Иры слово «крипово» звучало не только неожиданно, но и злое. Я и сама схватилась за горлышко бутылки, пытаюсь понять, стоит ли подзвать официанта.

– Ир, я понимаю, что это выглядит странно. Но все не так страшно, как кажется, – если честно, осознав, что дольше даже в одной квартире за свою жизнь не жила, я порядком напугалась. Что длилось в моей жизни не меньше десяти лет? Школа? Но и школы я меняла пару раз. Ни один мой брак не выдержал пятилетнего рубежа.

– Мы с тобой копаемся в твоей голове два года. И ты только сейчас решила мне рассказать про любовника с таким стажем? А я все понять не могла, почему ты все время сомневалась. Ты помнишь, как потом поделилась, что тебе страшно было подавать заявление в ЗАГС? Третий раз и все такое. А дело было не в третьем ЗАГСе, не в мандраже. Ты просто не закончила отношения с любовником.

Я не рассказывала Ире про мерцающего в моей жизни любовника. За время нашей терапии он объявлялся раза три или четыре похвастаться, что достроил дом, предложить по-пробовать возобновить наши встречи на постоянной основе и посмотреть, что из этого выйдет. Я с ним не виделась – скинула только видео, где дурачусь с щенком гипоаллергенной породы и честно ответила, что перетекла из второго бра-

ка в третий без рекламной паузы. Я вообще не считала мерцающего любовника проблемой, пока вдруг не увидела выражение лица Иры. Ей не нужно было открывать рта – дуги бровей, взгляд, который их приподнимал до середины лба, сжатые губы.

– Провалилась я, как психолог, конечно! Вот чувствовала, что есть что-то, что ты утаиваешь. Но потом вспоминала вещи, которые и на исповеди не расскажешь, а ты ими делилась...и убеждала себя, что это я просто везде ищу подвох. Профессиональная деформация, – она глотнула вина, – А у нас тут, оказывается, параллельные отношения. Длиной десять лет.

– Да бред. Нет у нас никаких отношений. Наш последний секс был еще в позапрошлом браке, – я впервые кому-то созналась в изменах. Если честно, я столько носила в себе этот груз грехопадения, что была уверена – как только выскажусь, полегчает. Но отчего-то стало колоть в ребрах, и я ссутулилась. Плечи сами собой скруглились.

– Нет, просто вдумайся. Этот человек в твоём поле дольше, чем все остальные мужчины. Отношения – это же не про жить вместе. Это про взаимодействие частиц. Когда два элемента друг друга меняют. И если он в твоём поле – он тебя меняет.

– Пошла жара и эзотерика. Он мне не мешает. И он меня не меняет, – не знаю, кого я убеждала более рьяно, себя

или Иру, что в происходящем нет ничего нездорового или странного. Но вышло бездарно.

Я задумалась, чем или как мерцающий любовник мог меня изменить – ни одного поступка ради него не совершила, мало что сделала и ему назло. Отправилась однажды на свидание со стареющим плейбоем-брокером 9 лет назад? Так я и так пошла бы. Да и в бытии мерцающего не создала никаких точек бифуркации, не пустила реку его жизни по иному руслу. Он не менял из-за меня работу, никогда не звал уйти от мужа и даже не предлагал улететь на другой конец света на пару недель скрыться от посторонних глаз.

Иногда мне кажется, что, касаясь друг друга физически, событийно мы прошли по касательной. Не нарушили положение орбиты и даже наклоны планет. Нет, однажды частично из-за него я чуть не отменила свадьбу и даже проигрывала в голове план отступления: написать ему смс с геолокацией и короткой фразой «Некогда объяснять, просто заberi меня отсюда». Но если допустить, что я бы тогда сбежала со свадьбы или отменила ее за несколько месяцев – поступок совершила бы не ради возможности отношений с ним, а из-за собственной неуверенности. Из-за сомнений, что выхожу за того человека, с кем готова не просто побыть попутчиками несколько лет, а состариться. Но, может, Ира права? Он сеет и множит сомнения в моей жизни? Поэтому я одновременно

и хочу семью, и порываюсь бежать из нее, сломя голову?

Я никогда не изменяла первому и третьему мужьям, как и фатальным влюбленностям. Я была верна всем, кроме второго супруга, и думаю, что тут зерно проблемы крылось все же в эмоциональном составе наших отношений, а не в мерцающем любовнике. Тем более, как потом выяснилось, второй муж особой моногамностью не отличался, так что на духовном уровне мы квиты. Обоюдно ударили друг друга о собственные пороки.

– Что он такого тебе дает, что ты не заканчиваешь эти отношения? – Ира пыталась докопаться до первоисточника, понять, что держит меня на привязи, почему я не срываюсь с цепи, не рву, не забываю, не блокирую номер в конце концов.

– Еще раз. Это не отношения, – меня всегда задевало, когда нас связывали словами «отношения» или «история». Коробило, будто обвиняют в постыдной краже. Будто я Катерина из «Грозы» Островского, и Кабаниха уже что-то заподозрила.

– Хорошо, эти недоотношения. Какова вторичная выгода? – скатилась Ира в психологические термины, хоть мы и ужинали по-приятельски.

– Я с ним оживаю, пишу крутые вещи и зарабатываю большие деньги. Без шуток. Когда меня накрывает волной скуки и однообразия, и мы встречаемся – в эти несколько часов я

живу. И я спокойна, потому что знаю: находясь в нормальных отношениях, у меня всегда есть опция пойти получить свою порцию эмоций. Как бы двучленно это ни звучало.

– Крошка, у меня для тебя плохие новости. – Ира знаком попросила официанта повторить вино и показала два пальца, что знаменовало – похмелье неминуемо. – У тебя адреналиновая зависимость. Ты торчок на эмоциях. Сколько ты с ним не виделась так, по-нормальному?

– Почти два года.

– И эти два года мы чиним тебя от профессионального выгорания? – она наконец расслабила лицо. Пазл в ее голове сошелся. – Выходит, что так. Постарайся сейчас принять то что я тебе скажу, и не плеснуть мне чего щиплющего в морду, – отшутилась она, понимая, как возрос градус напряжения. – Для тебя брак и стабильные отношения – это состояния ремиссии. Наркоманов нельзя вылечить, можно просто слезть с адреналиновой иглы и закрепить в ремиссии. Но тебя всегда будет тянуть обратно.

– Ир... – Я посмотрела на бокал вина с грустью: уж лучше бы зависела от чего-то всем понятного с 12-шаговой программой лечения. – Если слезу с той иглы, я перестану писать?

– Не знаю. Но ты точно будешь писать иначе. Это огромный пласт твоей жизни и я, в силу симпатии, не рискну туда лезть без твоей готовности. Ты не рыдаешь из-за него в подушку, не страдаешь. И в целом с этим можно жить. Только с

открытыми глазами и честно ответив себе на вопрос, нет ли там на самом деле чувств, которых ты боишься. И в которые можно не идти, оставляя взаимодействия на уровне любовников. Классическая схема.

Я никогда не боялась, что от меня уйдет муж. Меня иногда даже удивляло, почему во мне не гнезвился подобный страх. Я знала, что буду жить, как жила. Мой уровень жизни или система ценностей не пошатнутся. У Бродского есть такое выражение «слезами серебрить скулы» как метафора не истерики, не плача, но грусти. Так вот, когда третий муж от меня съехал, я не плакала – просто слезы посеребрили мои скулы. Час. Может, два.

– Ир, а что бы ты посоветовала мне не как психолог, а как подруга?

– Поработай со своей совестью и не мешай себе жить! Если ты счастлива в адреналиновых всплесках – признайся себе в этом. И не втягивай в треугольники других мужчин. Они же живые. Они все чувствуют. Ты же до конца им не принадлежишь, поэтому они все на тебе и женятся. – Ира напомнила мне, что я королева предложений – добрую половину сознательной жизни все мои истории заканчивались или браком, или хотя бы оффером сходить в ЗАГС. За редким исключением. – И не вздумай выходить сейчас замуж! Знаю, что ты хочешь детей и у тебя сейчас есть мужчина,

готовый дать тебе семью. Но нажми на паузу. Позволь себе полгода без мужчин. Разобраться, кто ты и чего на самом деле хочешь.

– А нельзя запараллелить процессы? – пятилетняя принцесса внутри меня верила, что появившийся друг, влюбленный в меня с института, – закономерный хэппи-энд. Из-за ковида не за того в третий раз шагнула замуж. Сейчас быстро исправим недоразумение. Только выбравшись из осажденной крепости, я по инерции рвалась обратно.

– Я не знаю, – улынулась Ира.

– Ир, ты можешь не включать психолога?

– Я правда не знаю, возможно, если ты мне расскажешь эту историю от начала до конца, я смогу сказать тебе что-то более внятное. И да, за вино платишь ты, – она откинулась на кресле и подложила плед под поясницу.

– А сколько бутылок ты заказала и до скольких свободна? – Я прикидывала, поведать как на духу или ограничиться кратким содержанием.

– Две. Няня останется до утра. Так что рассказывай. И потом решишь, что с этим делать. Оставить любовника в прошлом. Или взять с собой. Присвоить. Но осознанно. Если что по четвергам у меня будет для тебя время, – она пристально посмотрела и сделала театральную паузу, – на еще десять лет. Ну давай уже, рассказывай, что там было...

– Одиннадцать. Скоро будет одиннадцать...

МКС

Мы с мерцающим любовником лично познакомились в 2006 году, когда мне не было и двадцати – зелеными юнцами с горящими глазами и еще не с червоточиной, но уже чертовщинкой во взгляде. В сытой, гуляющей так, что сам

Гэтсби позавидовал бы, Москве нулевых. Все началось в те шальные времена, когда российская нефть котировалась по 147 долларов за баррель и мы чувствовали себя вольготно и уверенно. Казалось, так будет всегда. Казалось, не будет ни войн, ни пандемий, а только теория струн и адронный коллайдер вот-вот нам объяснят, откуда берет начало все сущее. И тогда мы точно станем, если не микробогами, то властелинами мира.

Мы еще не касались того сорта печали, что впечатывает тебя в другого человека. Нас столкнула жизнь в гостях у моей первой любви – он собрал всех на pre-party в огромной родительской квартире в переулках Пречистенки. Орудовал шейкером, перманентно его ронял, пытаюсь повторить коктейли из места, куда мы намеревались перебраться ближе к полуночи. Бармен из него оказался так себе, но я благодарна, что с ним я познала секс не как подростковый эксперимент, а в ключе осознанного получения удовольствия, и попробовала на вкус отношения, и надкусила понятие «компромисс». А еще он познакомил меня с *ним, с мерцающим*. Сначала по скайпу, ибо *Мерцающий* грыз заморский гранит науки в Колумбийском университете в Нью-Йорке, позже – лично, когда добровольный пленник Лиги плюща, подобно Ленскому, привез учености плоды, вольнолюбивые мечты и черную шапку выпускника с зеленой кисточкой в Москву.

Когда я увидела *Мерцающего* со всей его напускной мрачностью и показной закрытостью, в голове промелькнула мысль: когда-нибудь мы окажемся меж одеял и простыней наедине.

Со слов ученых, мужчине для того, чтобы влюбиться, требуется 8,2 секунды. Только вдумайтесь: вспышку на солнце мы видим через 8 минут 20 секунд после того, как она происходит. Для сравнения. Исследования этих же разумных людей показали, что на уровне либидо женщина оценивает привлекательность потенциального партнера за 3 секунды – ровно столько требуется свету, чтобы долететь до Луны и обратно. Может, поэтому мы и любим до Луны и обратно. А не до Сатурна. И не до Плутона, например.

Подсознание, ольфакторное восприятие, родство душ – объяснить можно по-разному. Суть от этого не меняется – если химические элементы вступили в реакцию, они оба неизбежно видоизменяются.

Хотя тогда обоюдные простыни казались мне когнитивной ошибкой восприятия.

Ввиду инициалов, схожих с аббревиатурой международной космической станции, мы все так *мерцающего* и называли – МКС. Это я к тому: где я и где необъятный космос? Между нами как минимум гравитация, атмосфера Земли и

енное количество общих друзей и знакомых, которые не поняли бы. Даже не совсем друзей. Хуже. Многократно сложнее. МКС – сводный брат моей первой любви. Не перерасти мы юношеский гормональный взрыв, могли бы породниться с МКС и стать членами одной семьи, и в его телефоне я была бы записана как сноха.

В той шумной квартире я оказалась благодаря возложенной на меня миссии – привела по просьбе первой любви под благовидным предлогом близкую подругу – естественно для МКС. Тот никак не мог забыть какую-то куртизанку с богемным шиком в нарядах и мексиканскими корнями, наотрез отказавшуюся ехать в Россию. Не то по климатическим, не то по идеологическим соображениям. И теперь он метался, страдал и часто перебарщивал с односолодовым виски, который пил с подросткового возраста неразбавленным. Даже держал в морозильнике талькохлорит, камень для охлаждения крепких напитков. Льда в бокале не терпел.

Требовалось вытаскивать бедолагу из сумрака межличностных перипетий. Я, спасатель по своей природе, бросилась на помощь – не смогла отказать первой любви в просьбе, ведь расстались мы душевно и по-приятельски. Поэтому ничтоже сумняшеся и вызывалась организовать что-то вроде двойного свидания под прикрытием большой тусовки.

МКС потом с этой подругой еще пару лет мутили воду в

бокале вина и просыпались вместе, но делиться со мной, да и с кем-либо еще, подробностями он категорически запрещал. Я, кстати, до этой книги тоже о нем никому, кроме психолога, не рассказывала. Самые близкие подруги не знали его фамилии, кто-то пару раз мельком его видел – на самой заре, но детали я хранила под замком. Может, у него такой почерк имелся, как у серийного маньяка, выстраивать взаимоотношения с женщинами так, чтобы они пожизненно о тебе молчали? И дело не конкретно в нашей с ним сложно-сочиненной истории?

МКС – человек-призрак. У него до сих пор нет ни единого аккаунта в социальных сетях и даже аватарки в мессенджерах. Сколько не мучай поисковики, никаких данных, кроме ОГРН компаний, к которым он имеет отношение, не найдешь. Даже выпускных фотографий на сайте школы. Иногда мне начинает казаться, что его не существует. Но потом он объявляется, и я понимаю – ощутим, осязаем. Моя с ним история длится уже больше десяти лет, а знакомы мы еще дольше. Но тогда, протягивая ему тапочки и чуть не залив их безмерно кислым мохито, я могла представить смятые простыни, но никак не то, что он окажется моим персональным космосом, бесконечным и необъяснимым. Что, возможно, я никогда его не пойму. Что спустя три развода, пандемию чумного вируса и гибридную третью мировую войну, я буду пить вино с психологом и пытаться понять, кто он. Черная дыра

моей вселенной, где аннигилируют мои нервные клетки, или комета, летевшая мимо, но зацепившаяся за гравитацию?

Я пыталась однажды вывести о нем информацию. Когда мутившая с ним воду и что покрепче, подруга оказалась в Москве пролетом в мой день рождения, я аккуратно спросила, что у них было с МКС и чем закончился тот лямур-абажур. Она увильнула от ответа настолько виртуозно, что не оставила и щелочки для осторожного вопроса. Ей было проще признаться, как она оказалась в коме после кокаинового угара, при каких водевильных обстоятельствах встретила своего суженого, сильного мира сего – в Шаолине, где она в монастыре бродила в попытках забыть столичный флер нулевых. Про МКС – ни слова. Так и останется тайной за семью печатями, что связывало их два года – почему потом кокаиновая дорога, оставленная страна и долгие поиски себя на Алтае, в Камбодже и после – на горе Суншань. Кто сломал ее: МКС или кокаин? Кто надломил меня: МКС или я сама?

Между нашим знакомством и первым «сезоном» долгоиграющей истории прошло почти шесть лет. В тот летний день, когда уже *МЫ* с ним встретились, ничто не предвещало беды. Я была недавно разведена, бесконечно уверена в себе, писала книги, вела программы на радио и корпоративы, иногда даже с живыми тиграми, запустила бизнес по производству футболок с авторскими принтами и ездила на спортивном мерседесе с прозрачной крышей. Старом, но резвом.

Свободная, уверенная, что море мне по колено, а океан по щиколотку, я будто просила судьбу – ну давай, ударь меня об кого-нибудь. Иначе, как душе вырасти? Как понять, что популярный твиттер – временно, а персональный *космос* – тот еще квест. Попробуй не угодить в черную материю.

На мне было короткое платье с длинным рукавом того грязно-розового цвета, который мужчины не считают за розовый. Им это просто красиво. Не просто так женщинам не дано природой дальтонизма. Мы ехали с бывшим любовником и в тот момент (как, впрочем, и сейчас) добрым другом, *светским обозревателем* одного из федеральных каналов, смотреть матч Испания-Франция четвертьфинала чемпионата Европы по футболу. На двух машинах и параллельными улицами.

Светский обозреватель хорошо скрасил мой первый развод комплиментами и чувственным сексом вперемешку с честностью – мы ничего друг другу не обещали, сразу договорились обо всем на берегу, не оставив места для домыслов и подтекста. Он мой идеальный донор спермы, я давно решила – если до сорока у меня не появится детей естественным путем, я попрошу у него баночку. Дети получатся красивые. И будут сочетать в себе прекрасный генетический материал. Но к этому мы вернемся чуть позже. В смысле, к детям и моим яйцеклеткам. Для начала надо с космосом разобраться, и

понять, есть ли вообще смысл дальше населять Землю.

Почему-то после первого развода, хоть он не был драматичным и не оставил глубоких порезов, мне хотелось быть не столько красивой, сколько заметной. Я наряжалась практически каждый день, даже если ехала просто смотреть футбол с добрым приятелем или прикупить полотенца и домашнюю утварь. Сейчас я бы сказала, что мое тело демонстрировало открытость к чему-то новому: чувствам, эмоциям, встречам. А душа просила урока. Все, что было до этого – тренажер для любви, прощения и человечности. Полигон испытания характера. А нутром я чувствовала, что жизнь подкинет мне поле боя, где придется использовать теорию на практике.

Это как с правилами дорожного движения и вождением. Нас учат соблюдать правила и взаимодействовать с теми, кто соблюдает правила. Но ни один инструктор не объясняет, как уворачиваться от пьяного водителя, которого занесло на встречу. Или что делать, когда у тебя зеленый, а тебе под колеса бросается человек...

Я чуть не сбила МКС на пешеходном переходе. Точнее в тот момент космическая станция являла собой смазанное пятно, по очертаниям напоминающее мужчину, причем хорошо одетого – идеальная осанка, легкая щетина – суббота же. Выходя из машины, я ненавидела этого пешехода. Только

включила на телефоне приложение, чтобы определить название композиции, которая играла по радио, и тут пришлось резко жать по тормозам. Да и матч уже три минуты как шел. Не приеду вовремя – отберут стол у экрана. Я редко скандалила на дорогах. Только однажды вылила чай на лобовое стекло верзиле, который подрезал меня, когда я парковалась задом, а он хамски заехал на мое место и еще покрыл трехэтажным. Даже забыла, зачем в торговый центр ехала, развернулась и пунцовая погнала домой. Стыд и обида смешались в коктейль с отвратительным вкусом.

На том переходе я испытала гнев, сопряженный со страхом. Нет, конечно, у меня горел зеленый, толпа свидетелей бы подтвердила, но ситуация так себе. Я вышла из машины и попала в логово знакомых глаз. И в миг перестала на него злиться. Ожидающая расправы гурьба зевак так и не поняла, почему мы радостно обнялись. Я коснулась губами его щеки. Стоило мне вдохнуть, как пахла его шея, снова пронзило: наши подушки неизбежно соприкоснутся.

– Ты похорошела после развода! – заметил МКС, видевший меня мельком в процессе выхода из долгосрочных отношений у общих друзей. – Слушай, я в понедельник улетаю на полуфинал и финал чемпионата мира по футболу. А когда я вернусь, давай поужинаем? – спросил он, не замечая, как с бульвара ему машет блондинка, переминающаяся на высоких каблуках.

– Почему нет? – соблюла я кодекс вежливости. – Звони, как вернешься.

– Будем пить вино и читать друг другу любимые стихотворения Бродского, – вдруг обозначил он контекст встречи. В то время Бродского читали только филологи и студенты журфака, а он человек технического склада ума. Занимался инновационными технологиями. И тут на тебе – Бродский. Зашел с козырей.

У меня был новый номер телефона, и потому я находилась в непоколебимой уверенности, что он не позвонит. Продираться через цепочку общих знакомых точно не станет – не его манера езды и не его тактика. Но по пути на футбол я неожиданно для себя заплутала и трижды проехала нужный переулок. Что это вообще? Короткий диалог, а я снова вспоминаю то чувство в момент первой живой встречи, что рано или поздно нас сомкнет в едином пространственно-временном континууме внезапно нахлынувшая страсть.

В ту ночь после футбола я проснулась посреди ночи от звонка его сводного брата, хоть мы и потерялись по жизни, когда я вышла замуж. МКС поругался с блондинкой, сел за руль, налихачил, его остановили, забрали права. Почему-то брат МКС, видимо вспомнив, как быстро приглашенной подругой я починила его растерзанную куртизанкой нервную систему, решил, что моих ресурсов хватит на то, чтобы разо-

браться с ситуацией малой кровью. Спросил, может ли он дать мой номер МКС. Я согласилась. Не до конца проснувшись, я промычала что-то похожее на «да». Вот не могла предусмотрительно выключить звук на телефоне?

Не то, чтобы я сильно ждала, но МКС так и не позвонил. Сутки я думала, что, возможно, это хитрый ход выудить мой номер. Часто взаимодействующая с правящей политической партией по благотворительным проектам, я выглядела со стороны как девушка, имеющая ресурсы, чтобы восстановить справедливость или сгладить досадное недоразумение нужными контактами. Набрать ему первой я не решилась. Если не позвонил – значит справился сам. Я про него забыла. На футбол времени не было – мы открывали корнер футболок в шоуруме, а кроме 22 игроков, сражающихся за мяч, мне об МКС ничего не напоминало.

Спустя пару недель мы сидели в небольшом азиатском ресторане с поставщиком тканей для футболок и обсуждали возможности закупок рулонов напрямую из Китая – на пробу. До этого мы работали с Италией и позиционировали себя как люксовый люкс, но масштабирование требовало перемен. И снова я была неприлично игриво одета в летящую белую юбку и шелковый топ на тонких спадающих бретелях. Это я сейчас понимаю – есть какая-то взаимосвязь. Если сидеть в растянутой хлопковой пижаме – МКС про меня даже

и не вспомнит. Может, поэтому я со времен ковида из спортивных костюмов не вылезаю? Подсознательно берегу себя.

На моменте, когда передо мной разложили сметы, раздался звонок. То ли передали МКС номер во время истории с правами, то ли сам нашел – неважно. Он оказался в двух километрах. Забрал меня, повез ужинать, и мы так заболтались, что решили поставить машины и перебраться на веранду ресторана недалеко от моего дома. Впустить игристое в наш вечер и нашу кровь. По дороге закинули образцы новых футболок моим знакомым стилистам – я тогда активно продвигала бренд, намереваясь завязать с творчеством и уйти из стези для реализации, в которой требовалась медийность. МКС это было не в напряг, что сразу подкупило. Обычно моих спутников если открыто не бесила моя работа, то хотя бы раздражала. Они считали, то что я делаю – несерьезно.

На второй бутылке розе МКС начал читать Бродского с выражением. Что-то с экрана, что-то по памяти, но грудным голосом, так что алой ржавчиной покрываешься от трепета, который не в силах замаскировать. Утром мне нужно было ехать в Калужскую область на день рождения к подруге, но на часы я не смотрела. Не хотела досадой и переживаниями смазывать внезапный кураж, когда вы с человеком вдруг нащупываете эмоциональное созвучие на гребне волны жизни. В тот вечер мы с МКС были на одной волне. Кто же знал, что

для меня это девятый вал...

– Как твоя девушка? Не ревнует, что ты в пятничный вечер не на связи? – вспомнила я блондинку, ожидавшую его тогда на пешеходном переходе.

– Не знаю. А тебе есть до нее дело? Мне – нет. – Он вернулся к Бродскому, пока я гуглила стихотворение Ахматовой «я надела узкую юбку, чтоб казаться еще стройней». Все же Анна Андреевна как никак родственная душа Иосифа Александровича. – А что у тебя на личном? – так и не сказал, кем она ему приходилась. И может, приходится до сих пор.

Я призналась МКС, что не одна. Точнее, не до конца одна. В тот момент у меня были отношения с чиновником из Татарстана, но география сделала свое грязное дело – мы перманентно ругались, что он не прилетал, хотя обещал.

МКС мое смазанное несвободное положение не смутило. Он не давал оценок происходящему, только попросил отключить звук на телефоне, на который с периодичностью в пять минут приходили гневные сообщения. Подсознательно я знала, что мой роман с *Татарстаном* – временный, что он никогда не перевезет меня в Казань, потому что там я от безделья выем ему мозги чайной ложкой. Тут у меня хотя бы работа, друзья. *Татарстан* не был против, чтобы я родила ему. Но дистанционно. У него в приоритете – развитие

региона, иностранные инвесторы, кластеры, заводы, а чувства – на двадцать пятом месте и те рационализированные, и уж точно никакого Бродского. Я даже не уверена, что он когда-то его читал. Почему-то я открылась и вылила на МКС положения фигур на моей шахматной доске. Он улыбнулся, увидев, как можно в два шага поставить шах и мат. Глобально, конечно, он меня не рассматривал, но кто откажется красиво сыграть партию и уйти в закат?

На небе брезжили первые всполохи. Я не собиралась финалить вечер даже на рассвете. Смотрела на МКС и просто понимала: это закончится плохо. Или постелью, но потом обязательно плохо. До того дня мне казалось, что плохо рожать в двадцать шесть лет в позолоченной клетке на расстоянии вытянутой руки. Оказалось, что это не самая тернистая из тропок, по которым я могла бы пройти, но выбрала буреломы.

Официант в ресторане, на веранде которого мы провели ночь, считал меня проституткой. Я появлялась там каждый день с разными мужчинами – большая часть встреч имела деловой характер, но по негласному кодексу мужчины всегда оплачивали счет, и это не считалось харрасментом. Мне было удобно – от дома минута на машине, пешком – пять. «Еще один», – сквозило в его взгляде, когда принесли счет. Я все ждала, когда он отпустит едкий комментарий касательно

количества моих спутников. Но нет, держался, молчал. Хотя у меня даже карты постоянного клиента не было. А у него – причин раскланиваться.

МКС проводил меня пешком до дома. Я сокрушалась, что уже через четыре часа за руль – хорошо, не в саму Калугу, а лишь за Обнинск, но друзей поздравить надо. Как бы между делом МКС заявил, что они с приятелями собираются вечером в караоке, сделав акцент на том, что никаких общих знакомых там не предвидится, отдельная комната – без общего зала и пьяных завываний «рюмки водки на столе». И он и я мельком упомянули, что не хотели бы, чтобы его брат и моя подруга знали о нашей случайной встрече, потому что оба были в курсе их незаживших чувств. А беречь чужие раны, рушить социальные связи – нет, тогда мы были слишком хитры и циничны, чтобы рисковать. Такой оксюморон. Сейчас в нас намного больше романтики, чем тогда. Возможно, мы просто изранились уже до той степени, что не чувствовать невозможно, а тогда мы еще могли... Не забывайте, я пишу вам из 2023 года и уже немало пережила и перечувствовала.

В нашей с МКС истории изначально все было неправильное, преступное, неэтичное, за гранью общественного, да и нашего понимания. От этого невозможно было отгородиться высоченной дамбой, как требовали здравый смысл и инстинкт сохранения хором. Этому нельзя было сказать «нет».

Но я честно пыталась, отделалась «подумаю» насчет караоке, про себя решив, что всех поздравлю, вернусь из соседней области и лягу спать. Может, даже перед сном куплю билет в Казань – смешила Бога своими планами. А там не за горами рабочая неделя – рулоны тканей, корнер и новые принты для футболок утянут меня в прозу будней.

Я не та блондинка с фарфоровой кожей, у которой затекли ноги в ожидании его на Страстном бульваре. Я в него не нырну. Не упаду. Не поранюсь. И не вяпаюсь. Тем более на треть жизни. Засчитаем ли мы одиннадцатый, станет ясно после написания этой книги. Когда поймем, смогу ли я прожить полгода без мужчин, а особенно без моего персонального космоса, или хотя бы найду себе скафандр для безопасной коммуникации.

Без мужчин

Всю жизнь я, будто ртуть, перетекала из одних отношений в другие и, даже разбитая, как выдавший жизнь и волосатые подмышки градусник, быстро собиралась в единую субстанцию и снова обрастала отношениями. Дошло до абсурда: однажды из одного брака в другой меня позвали спустя ночь после расстановки точек в истории, и при этом я была верной и никакие отношения не синхронизировала. За последние восемь лет я по пальцам могу пересчитать ночи, которые проводила одна. У меня всегда был полный комплект: мужчина, друг, который хочет стать мужчиной, и друг, который всегда может снова обратиться любовником. Я ежегодно де-

лала прививку от одиночества, которого до смерти боялась. Больше, чем сезонного гриппа, ковида и санкций.

Я вообще не жила, а бегала, как прыткая лань от тигра, вдаль от одиночества. Настигнет – раздерет как добычу на куски. Я даже написала первую книгу, чтобы обескуражить первую любовь (ту, которая меня познакомила с МКС), думала, вот сейчас он увидит растяжки с рекламой по Москве и очухается, что потерял. А если нет – так одна не останусь, у меня всегда в арсенале боекомплект. В том или ином качестве в моей жизни всегда были мужчины. Я не боялась расставаний, потому что знала, будет новый день – а там цветы, встречи и замена игроков на поле. Боялась ли я потерять закрытый космос? Нет. Но только потому что он никогда мне не принадлежал. А потерять то, что ты не имеешь, априори невозможно.

Используя стратегию, что незаменимых нет, я дошла до той точки, где вариантов оказалось немного: или в жизни надо что-то менять, или палата в клинике неврозов в моем распоряжении, потому что четвертый развод заставит отца взять в руки прадедушкин браунинг и прикончить меня из солидарности с мужской частью населения земного шара. За моей спиной было три официальных брака, фатальная влюбленность, гражданское сожительство и МКС, который дольше чем на полгода за десять лет из моей жизни не исчезал.

Мужчины, работы, квартиры, машины, – все менялось. А он как был, так и остается по сей день.

И, пока я не освобожусь от него, идти дальше в попытках построить семью или отношения просто бессмысленно. Я устала жить с оглядкой, устала бояться открывать сообщения, зная, как умело он появляется – хищно и внезапно. Знаете, почему я, например, не пью Киндзмараули? Однажды я привезла из Тбилиси бутылку, ополовинила с подругой и запустила четвертый сезон одним сообщением.

Еще был случай, когда я чуть не отменила из-за него свадьбу. Не из-за Киндзмараули, из-за МКС. А свадебное платье было из кружева ручной работы, шлейф которого десятки мастериц переплетали под высоту тупель, и стоило целое состояние. Этим решением я чуть не обанкротила собственного отца, благо (или не благо?) вовремя одумалась и как миленькая пошла под венец. Хотя пока меня красили и одевали в спа-отеле Барвихи, мысленно думала: ты же знаешь, где у меня свадьба, заberi меня, напиши хотя бы сообщение «не делай этого», и я с чистой совестью сбегу. Но нет... Визажист влила в меня несколько коктейлей и проследила, чтобы я дошла до ЗАГСа – повезло, что соседняя дверь. Честно, до того дня я была уверена, что сбегает со свадьбы только полоумные дуры в кино. Может, я полоумная дура? Может, я в кино?

В жизни каждой женщины есть тот самый «бывший» или «возможный», с оглядкой на которого она живет, как бы ни обманывала себя в обратном. Выкладывает фотографии с помолвки, а внутри представляет, как он корчится в муках и сожалеет. Покупает сама квартиру и думает: «Ты не верил, а я смогла, вот теперь раскаивайся за сказанное сгоряча». И получается, что это и твоя, но и не твоя жизнь. Ты живешь не для себя, но даже не находишь смелости в этом признаться. Куда это может завести – я расскажу, и очень надеюсь, что вам меньше лет, чем мне, и вы еще можете набраться мужества все разрешить и освободиться. Или выбрать его, но так... чтобы этим решением никого не ранить, и прежде нащупать внутри себя скафандр. Не повторяйте моих ошибок – ищите спасательный трос в себе, а не во внешнем мире. Там слишком зыбко для опоры.

Проснувшись с невиданным похмельем после ночи, за которую я рассказала своему психологу нашу с МКС историю, я дала себе слово: больше так много не пить, даже закусывая хинкали в перечном соусе, никаких запасных аэродромов и другого гендера в окружении в течение полугода. Максимум – светский обозреватель, чтобы не потерять нить дружбы и не растечься по параллельным жизням. И пока я не излечусь от неземной зависимости и страха одиночества, я не сделаю и шага никому навстречу. Слишком много уже заноз во мне оставили, и достаточно заноз я оставила в других. Ко-

гда-то нужно, как говорится, набираться смелости закрывать гештальты. Только работа с психологом, проекты, творчество, благотворительность, чтобы не бессмысленно коптить воздух, йога и бёрпи по утрам. Аминь!

Институтский приятель, дозревший до того, что хочет не только разделить со мной фамилию, но и вместе растить дочь, согласился дать полгода на завершение всех вопросов, что держали меня в подвешенном состоянии – как акробатку страховочные нити под куполом цирка. Я спущусь на грешную землю, нащупаю почву под ногами и приду к нему. В стадии ремиссии, а не гормонального припадка.

Почему люди придумали клубы анонимных алкоголиков, но никто не придумал клубы зависимых от прошлого и «если бы»? Я бы с радостью приносила туда печенье, даже стулья для групп купила бы. В чем разница: боишься ты, что тебя позовут старые приятели пропустить по бокалу или что напишет «бывший» или «возможный»? Все равно потянет на дно. Сила воли нужна одинаково. Только в болезненных влечениях мы сражаемся один на один, без наставника и группы поддержки.

Оглядываясь назад, в тот вечер, когда МКС читал мне Бродского, а я спонтанно была готова спать четыре часа, я кричу себе туда – остановись, попроси счет, дай себе шанс на нормальную жизнь. Во время медитации я часто подхожу к

себе в том ресторане, трогаю за плечи так, чтобы лямки топа не спадали и никого не провоцировали, и уговариваю уйти. Ловлю себя в туалете, внезапно выходя из соседней кабинки, пытаюсь увести за руку. Но она, та я, спокойно вытирает руки, кидает полотенце в корзину и направляется обратно к нему за столик.

Наутро после импровизированного поэтического вечера и поспав не четыре, но пять часов, я безбожно опаздывала. Быстро собрала себя в кучу, напялила джинсовые шорты и футболку собственного производства и отправилась в соседнюю область на день рождения друзей, семейной пары, по иронии судьбы, родившихся в один день и внешне напоминающих очаровательных бегемотиков. Вот и не верь после этого в астрологию. Мы прыгали на батутах, ели шашлык, срывали недоспелую малину прямо с куста, телефон лежал на зарядке в машине. Я подошла к нему случайно.

«Мы будем у твоего дома в десять. Отдельную комнату в караоке забронировали». Там не было ни одного вопроса – хочу ли я, готова ли, успею ли, в конце концов, вернуться к этому времени в Москву. Только утверждение. Он все за меня решил. И тогда мне это нравилось.

Я действительно в восемь вечера, как и планировала, выдвинулась в Москву, но случилась полоса препятствий: сна-

чала мы в ключья поругались с *Татарстаном*, да так, что я залила весь руль слезами, съехав на обочину, пока он витиевато вел к расставанию своими сообщениями, а до того момента меня никто и никогда не бросал так виртуозно. Я списывала это на ревность – черт меня дернул рассказать ему про внезапный и случайный вечер с МКС, чтобы поревновал и скорее прилетел в Москву.

А далее на несколько километров растянулась авария. Плотнo трассы было усеяно черными пакетами – четыре машины, два мотоциклиста. Движение перекрыто в обе стороны, полиция ехала сильно дольше, чем скорые. Только через час убрали бетонное ограждение, сделали проезд на встречу, минута в одну сторону, минута – в другую. Видеть так близко смерть и не иметь возможность отвернуться – еще то испытание для мозга, который спал пять часов, перерабатывая розе в крови. Я плакала, ведь тогда еще не привыкла к смерти, как к верному спутнику жизни. Когда мне позвонил МКС, сразу почувствовал в моем голосе растерянность, мне даже кажется, что надрыв его в женщинах и цеплял. Я показала мягкое брюшко, которое так легко было подцепить на крючок. Даже если он этого не хотел. Даже если так он не планировал.

Я коротко рассказала МКС про *Татарстан* и аварию, после соскочила с поездки в караоке – не ждите, не успеваю, в

караоке не поеду, тем более мне еще переодеваться. Он спокойно сказал «Хорошо» и повесил трубку. Я даже расслабилась – крючок не успел впитаться в брюшину. Чуть поцарапал пупок холодным тоном.

Припарковавшись у дома, я не сразу заметила МКС. Он вышел из незнакомой мне по виду и номерам машины друзей, направился ко мне и застал врасплох.

– Поднимусь с тобой? – закрыл он за мной багажник, откуда я достала садовые цветы, луговую герань, космею и петунью, которые мне выдали с собой.

– Зачем? – опешила я.

– Ну тебе же переодеться надо! – оценил он мой дачный вид.

– А ты мне с этим помочь решил?

– Не совсем!

– Интригуешь.

Его появление высушило слезы. Сняло усталость. Как будто не было укороченного сна, трехсот километров и нескольких шампуров шашлыка. Я понимала, что поступаю неправильно. Второе свидание подряд, когда ты не поставила точку, пусть смазанную (сорт отношений с *Татарстаном* это позволял), – не самое красивое поведение. Да еще и со сводным братом первой любви. Я могла удержаться от лишнего бокала, от неуместной ремарки, от меренгового рулета и даже не съесть упаковку сладкой аскорбиновой кис-

лоты за раз. Но тут – нет. Сказал, значит, поехали. Я в секунду перестала хотеть в душ, надеть мягкую пижаму и обнять подушку. Будто организм подстраивался под ситуацию. Странно, с ночными эфирами на радио он мне так подсобить не норовил.

Тогда я вернулась после развода к маме и жила не одна. Я предупредила МКС. Его это не смутило, он зашел следом за мной в квартиру, поздоровался... а потом резво выхватил телефон из моих рук и передал моей маме.

– Извините, но телефон доставляет вашей дочери много неудобств. Сегодня выходной день. Я хотел бы, чтобы мы весело провели вечер в караоке. Давайте вы запишете мой номер, чтобы не волноваться. А ближе к утру я верну ее домой довольную в целости и сохранности, – не переставал он доставать джокеры из рукава, хотя и стоял перед нами в футболке.

Меня так впечатлила его речь, простая, сдержанная, все по делу, что я надела платье с глубоким вырезом и золотые туфли Gucci на тонкой высокой шпильке (десятые годы позволяли транслировать сексуальность, и в этом был свой цимес).

Мне пришлось по нраву друзья МКС. Семейная пара лет на десять взрослее нас, он – бизнесмен-путешественник, она – банковская служащая с обширным ареалом влияния. Тогда

еще без детей, живущие для себя. Их чувство юмора располагало к себе с первой минуты. Они не задавали неудобных вопросов и сразу приняли меня как свою. Интересно, а МКС каждую с ними знакомит? Почему-то уверена, что да, и они уже привыкли к мелькающим лицам. Но как это может помешать весело провести вечер в караоке? У него прекрасно получалось копировать Высоцкого, хоть с микрофоном в руке я его представить себе не могла.

Я категорически не умела петь и стеснялась. Каким-то неведомым образом МКС удалось уговорить меня спеть дуэтом «Мой рок-н-ролл» Би-2 и Чичериной. Во время песни он взял меня за руку. Между нами случилась какая-то телесность, после которой – туман. Что это были за вспышки? Влюбленность или термоядерные взрывы на поверхности нейтронных звезд? Я не помню, касался ли он моих волос, прижимал ли к себе. Помню руку, дальше – слепая зона. Возможно, просто не стоит после пяти часов сна и стольких же часов за рулем пить четыре бокала вина?

Сразу после внезапных касаний я засобиралась, меня выталкивало домой – МКС, естественно, вызвался проводить, и мы неприлично долго и нежно обнимались у подъезда. Вино избавило сцену от неловкости, первые дворники, с рассветом заполняющие улицы, поднимали пыль в соседних проулках. Ни одной машины не проехало по широкому проспек-

ту. Город вымер. Выжили только любовники. Казалось, даже вселенная молчала. Она вообще согласно парадоксу Ферми молчит, и мы в мириадах галактик одни...

От поцелуя меня спасло то, что в голове играла строчка из песни «Дорога в мой дом – и для любви это не место». Дорога в мой дом – и для любви это не место. Точка. И никаких «долгих путей, где заплетают волосы лентой», как поется в песне. Интересно, теперь он поедет к блондинке, что топталась на высоченных каблуках, как у меня сегодня? Или вернется к друзьям?

МКС написал через полчаса уже из дома: «Ложусь спать. Что будем делать завтра?». Я зачем-то попросилась на мульт «Холодное сердце» в кино. И он это исполнил. Правда, тот день пошел совсем не по нашему сценарию, но об этом, как и о многом другом, позже.

И то, чье сердце на самом деле холодное, откроется потом.

А ведь все начиналось нормально

В августе, когда я и надела на себя временный пояс безбрачия, меня, как и любого русского человека, заставшего на своем веку дефолт 1998-го года, знатно колбасит. На уровне тела ощущаешь грядущий кризис. В этом году добавилось и маячащее на рекламных вывесках магазинов 1 сентября, а в школу мне вести катастрофически некого. Да и собака не любит гвалт маленьких детей, потому затесаться зевакой на линейку не получится. Я даже записалась к репродуктологу, чтобы составить план по заморозке яйцеклеток, но не пошла. Отложила на некоторое время.

Плюс у меня день рождения, а после тридцати – это томительный анализ всего содеянного, что хочется вычеркнуть из своей биографии, и фантазии на тему несодеянного, а что было бы... И, вы догадываетесь, что без анализа, как я могла вляпаться в закрытый для меня космос, не обошлось, и там тоже бегущей строкой светились треклятые «если бы». Нужно сказать, что в этом году эти «если бы» конкретно размножились. Они не закончились на размышлениях, куда занесло бы меня, ошибись я дверью и отправься в художественную школу вместо музыкальной или оставь я машину на Петровке и пересядь к *светскому обозревателю*, например. Я вдруг подумала, а что было бы, если бы я никогда не разводилась? То есть зависла бы на начальном уровне квеста – и первом штампе в паспорте.

Мой первый брак был идеален. Впрочем, как и развод. Получив свидетельство о расторжении брака, мы забронировали столик в любимом месте, а до этого отправились гулять по пряным садам и пасакам, спрятанным за оградой Иосифо-Волоцкого монастыря. Где-то на полпути мы помирились. Зайдя в монастырскую лавку, взялись за руки. На втором бокале игристого в ресторане он снова позвал меня замуж. Я до сих пор так его и называю – *святой мужчина*.

Так, кстати, мы со *святым мужчиной* и прожили разведенные еще энное количество лет, пока реки не иссохли и

страсть не отправилась мучить гормональные системы других особей. Но даже измазавшись пеплом угасшей страсти, мы потом много лет дружили, я и девушку ему нашла. С ней мы, кстати, общаемся до сих пор, вместе медикаменты грузили в рамках благотворительного проекта и собак собираемся познакомить: у нее мальчик, у меня – девочка.

Святого мужчину я встретила восьмиклассницей. Наш первый поцелуй случился на троллейбусной остановке – транспорт тогда не знал, что такое расписание, а мы не мерзли даже в морозы. Нас не единожды разбрасывало в разные стороны по жизни, курсе на втором или третьем меня снова к нему прибило случайной волной. Через год мы поженились. Молодые, зеленые, бесконечно наивные и влюбленные.

Меня часто спрашивают, почему распался тот брак. Я всегда отвечаю, что от любви. Нет, конечно, мы ссорились, бурно, шумно, но по-здоровому – не держали ничего в себе, выплескивали лавиной. Как-то, когда он очередной раз сильно опоздал к ужину со словами «уже в пути», я села в машину и уехала кататься, выключив телефон. А еще раз ключом царапнула ему по машине, когда мне написала какая-то девица, что они тайком виделись в Швейцарии, правда, она надеялась, что там зарождаются чувства, а он – чисто по-дружески.

Случались и громкие распри, например, когда мы опазды-

вали на церемонию вручения премии (я была финалистом). Он резко отправился мыть голову, и в итоге я бежала по эскалатору на каблуках в час пик с вечерней укладкой, орошая его и растяп, кидающихся под ноги, отборным матом. А еще однажды в Греции прямо под окнами нашей виллы стояли волнорезы, и был непрекращающийся шторм. Да и он начал храпеть, чуть раздобрев от сидячего образа жизни. Я не спала почти пять ночей, мы вызвали местного врача, и он выдал мне таблетку «лексотонила»⁴. Последнее, что я помню – как ела персик. Дальше все из рассказов *святого мужчины*: как он намочил полотенце, умыл мне лицо, уложил, а ночью не спал – подносил прядь к моему носу, чтобы проверить, дышу ли я.

И тогда случилось непоправимое, я решила, что все мужчины – такие. Такие, как мой муж. А, может, еще лучше. Спутала индивидуальный заказ с базовой комплектацией.

В нем была установлена идеальная программа ухода – он дарил цветы, слушал нытье и русское радио, когда мне хотелось подпеть гимну, покупал дорогие сумки, если накосячил, и привозил в аэропорт вместо бургерной. Так мы один раз, выкроив четыре дня праздников, улетели на Шри-Ланку. Всего лишь сутки в пути, зато три с половиной дня на берегу Индийского океана. Больше такого в моей жизни

---

⁴ Транквилизатор.

не повторялось – купить билеты прямо в аэропорту на ближайший рейс.

Мы еще тогда встречались и толком не жили вместе. На Шри-Ланке уже в отеле меня охватила паника. Лежа в номере, я вдруг поняла, что нахожусь в зависимости от мужчины. Даже слезы потекли, струями, что оросили всю подушку. Я отвернулась и крутила в голове: вот мы сейчас поругаемся и что мне делать? Учитывая, что праздники, билеты останутся только бизнес-классом, и то не факт. А у меня с собой денег таких нет (тогда еще не существовало мобильных приложений, с помощью которых можно было закинуть или перевести деньги дистанционно). То есть без его участия и одобрения мне с острова Цейлон домой не выбраться. Благо слезы на меня тогда действовали, как снотворное, а когда я проснулась, мы отправились ужинать на закате. Все опасения выветрились. Я доверилась.

И сделала это с такой легкостью, потому что еще не знала, что доверять опасно. Возможно, и не узнала бы, если бы в итоге мы не развелись.

Почему те отношения истлели? Я долго анализировала, крутила и так, и эдак, а потом поняла: с каждым годом совместной жизни мы становились все более разнозаряженными и разнокалиберными, оба упертые, с четкими векторами,

не совпадающими в направлениях. Останься мы в сцепке, одному из нас пришлось бы выбрать чужой путь. Его абсолютно не интересовали мои книги – времени или желания прочесть он не нашел, – а тогда мне казалось крайне важным чтобы мужчина разделял интерес к делу твоей жизни. Может, поэтому меня потом зацепило, как МКС с радостью вызвался помочь мне с разъездами по футбольным делам?

Со *святым же мужчиной* это я ездила смотреть помещения под офисы. Это я слушала часами его разговоры с партнерами по бизнесу. Даже однажды в ночи елки с ним развозила, когда водитель ушатался, – во времена кризиса он купил вагон хвойных и организовал интернет-магазин, чтобы заработать нам на отдых в Альпах. Когда меня просят вернуться во время медитации в момент, где я была счастлива и находилась в состоянии уверенности и определенности, я представляю большой гипермаркет, где мы покупаем подставку под елку – чтобы привезти заказ покупателям в ночи. Они хотели нарядить хвойную красавицу к утру – чтобы дети проснулись и ахнули. Я чувствовала себя причастной к волшебству и семейным традициям. Что бы я изменила в своей жизни? Сбавила бы тогда градус максимализма, и наблюдала, что бы из этого вышло.

Вообще юношеский максимализм в те времена во мне зашкаливал. И самое обидное, что не было никого авторитетного рядом, кто мог бы стукнуть меня по голове и привести

в чувство. Пыталась только бабушкина соседка по даче, но она оперировала фактами, что если мужчина не поднимает руку, не пьет, как конь, и не утягивает за собой к венерологу, да еще и деньги в дом приносит – то добротный, надо брать. Я же – человек, сотканный из чувств, и взрастить в себе рацию решила только сейчас. До этого эмпирический путь познания мира казался мне ближе.

Во время первого брака жизнь разделилась на два русла – учеба и семейный быт. Я поступила на второе высшее в литературный, где мы вечерами обсуждали Данте и Джойса, читали друг другу нобелевскую речь Бродского, блуждая по переулкам, заходили в кинотеатр «Художественный» смотреть малопонятный артхаус. В семье же я ежедневно совершала кулинарные подвиги и каталась по Подмоскovie в поисках идеального места для загородного дома.

Когда душа требовала духовной пищи, я иногда затаскивала *святого мужчину* в Третьяковку или Пушкинский, но мы расходились по разным залам. Я искала в картинах смысл, *святой мужчина* размышлял, как бы это смотрелось над камином. Не просто же так о загородном доме думаем? Нет, у него было достойнейшее высшее техническое образование в МГУ, после которого он работал на главного российского миллиардера, руководя отделом венчурных инвестиций. В мириадах вопросов он был осведомлен лучше меня. Но полное равнодушие к импрессионистам делало из союз-

ников двух оппозиционеров с разными взглядами на жизнь. Я сейчас специально вспоминаю что-то негативное, дабы не играть в искажения. Плохое же со временем забывается, и мы часто ностальгируем даже по тем отношениям, где было невыносимо, и романтизируем их издалека. Если вы никак не можете понять значения термина «параллакс», то вот вам наглядная иллюстрация.

В какой-то момент мы со *святым мужчиной* оба почувствовали бессилие. Он не мог причинить мне радость. Не мог причинить и боль. Я закапсулировалась в этом браке, обросла броней, которая мне не требовалась. Или же просто чувства прошли? Так же бывает? И тогда мне хватило смелости признать «лошадь сдохла, слезь с нее». Как гласила мексиканская пословица.

Я часто потом возвращалась мыслями и подвергала содеянное сомнению: а, может, лошадь просто потеряла сознание? И в страхе повторить ошибку еще много лет реанимировала «сдохших лошадей». Даже эта книга – чем не попытка? Правда, для каждого тут своя лошадь – для кого-то мой запертый космос, для кого-то я, как человек, способный чувствовать. А для некоторых и рацию, которое я в себе возвращаю. Ну что? Кого первым спасать будем? Вдруг разум когда-нибудь все же победит своенравный гипофиз.

Эти размышления усадили меня с блокнотом и ноутбуком

на ковер. Я все же решилась на бумаге реанимировать ту лошадь, что, возможно, умертвила в гостиничном номере Воронежа, пока *святой мужчина*, не решаясь ответить отказом на гостеприимство,пил водку с директором филиала. Я мысленно взяла в руки лопату, откопала лошадь, прочистила от песка ноздри и пыталась вдохнуть в нее жизнь. В фантазиях лошадь задышала.

В том браке сразу появились очаровательные сероглазые дети с редкими конопушками. Залюбленные, заласканные. Их носили на руках, на их образование откладывали деньги с пеленок, одного с младых ногтей отдали на фигурное катание. Мечта моей первой свекрови. Думаю, реанимируй мы ту лошадь, старший бы уже готовился поступать в Оксфорд или Кембридж, в крайнем случае МГУ по стопам отца. Я бы и дальше не знала, где хранится в моей машине запаска, как пахнет на шиномонтаже и откуда в баке бензин. И главное, не попробовала бы на вкус одиночество. И продолжала бы думать, что войд – название композиции группы Muse, а не пустота в душе размером в десятки мегапарсек.

Скорее всего (по крайней мере несколько раз он такие фокусы с другими женщинами исполнял), увидев, как я чахну без дела, *святой мужчина* купил бы мне салон красоты. Или маленький шоурум. Как хобби, чтобы без ущерба для ужина. Наверное, эту альтернативную жизнь нужно было очень дорого продать, а не предать. Но все так, как оно так. Вы еще

не раз услышите от меня эту фразу. Она для меня терапевтическая. Это говорит вам человек, который только что осознал, что помимо лошади грохнул еще и потенциальных детей, лишив их оксфордского диплома. Была бы я там счастлива? Не знаю, возможно, хотела бы поменяться с лошадыю местами, оставив табличку «Ни при каких условиях не реланимировать».

Говорят, ты отпускаешь, когда внутри тебя не остается ничего, кроме благодарности к человеку. И она во мне есть, к *святому мужчине*, как ни к кому другому. И вовсе не за то, что я жила как у Христа за пазухой, а за то, что мы друг друга отпустили. Помните, я говорила, что мы шли в разные стороны? Для того, чтобы в относительно юном возрасте сохранить отношения, одному из нас нужно было бы предать свои мечты. А для меня тогда это казалось равносильным смерти. И то, что он отпустил в пучину и паутину ошибок, и есть безусловная любовь.

В двадцать с небольшим лет я знала о любви сильно больше, чем сейчас. Кстати, когда уже после финального расставания его бизнес принес первые крупные дивиденды, он передал мне конверт с какой-то космической для меня тогда суммой и запиской «Ты была рядом со мной и поддерживала, поэтому очень хочу поделиться частью своего успеха». Деньги давно потрачены, на что не помню, а записку до сих пор храню. Она для меня вещдок – есть еще порядочные мужчи-

ны. Которые действуют не из позиции «посмотри, что ты потеряла», а с незамысловатой искренностью и добротой. Надеюсь, он ее не растратил. А еще — что он никогда не прочтет эту книгу.

Удивительно, мы не вместе уже без малого дюжину лет, а его нынешняя жена (которую я ни разу воочию не видела) ежедневно мониторила мои социальные сети. Может, он стал коварным манипулятором, и она изучает ту, которая его таким сделала, и планирует сатисфакцию, может, ревнует, как к чему-то первому и большому, а может, просто прочла пару моих книг и ей нестерпимо скучно сидеть дома. Иногда мне кажется, что, разведясь с ним, я разгневала богов на Олимпе и они навели на меня морок, а бедные мойры ⁵ заново засели за нити моей судьбы, чертыхаясь: «Опять переплестать и завязывать в узел».

Так что неудивительно, что после первого развода мой компас сбился: я спала с теми за кого нужно было выходить замуж, и выходила замуж за тех, с кем надо было просто спать. И встречалась с теми, кого надо было обходить стороной, и обходила стороной... ну вы поняли. Попадая в капканы человеческой подлости, в сети людей с нарциссическим расстройством личности, как сейчас модно говорить, или просто натываясь на токсичных персонажей, я всегда

---

⁵ Богини человеческой судьбы в греческой мифологии.

была уверена – это просто исключение из правил. Позже в мою голову начала закрадываться крамольная мысль: а может, мне просто тогда повезло? А я, дура, не ценила?

Самое большое наказание для человека – думать, что вот там лежало твое счастье, а ты отдал, оставил бесхозным, сдал в бюро находок, не разглядел. И даже на аукцион не выставил.

Август оказался щедр на дожди, и одним пасмурным насупленным вечером я села на ковре и на листе бумаги прожила нашу дальнейшую жизнь, не прими тогда решение в аляповатом люксе лучшей воронежской гостиницы, куда нас занесло мрачным ноябрем в командировку, что хочу идти дальше чувствовать, познавать и ошибаться. Попросила – и меньше через год необъятная вселенная отправила мне астероид в виде МКС. И вот сейчас мне нужно сжечь этот лист А4 с альтернативной жизнью, снова закопать нашу лошадь.

На этом листе я дважды рожала, открывала салоны красоты и ателье, трижды летала на Мальдивы, состояла в родительском чате, водила в Третьяковку детей, которые просили повесить пейзажи Шишкина над камином. На моменте, где я впервые отправляю сына в спортивный лагерь, вдруг пришло осознание: даже в той альтернативной локации, возможно более комфортной, я точно так же сидела бы на полу с листом бумаги и проживала бы ту жизнь, которую про-

жила. Но смогла бы я сжечь свою сегодняшнюю жизнь или продала бы душу дьяволу? Пристрелить в себе свободного породистого рысака, что скачет аллюром по жизни?

Наверное, ковер в альтернативной реальности меньше коллол пятую точку, но там не было бы пространства, чтобы все же набраться смелости выбрать свои мечты и свои ошибки. Нет никакой абстрактной точки обзора, откуда бы мы не видели ситуации в прошлом, которые могли бы переиграть и куда подумывали вернуться. Это и есть свобода выбора, данная Богом человеку. Иначе квест оказался бы бессмысленным, а все судьбы – похожими одна на другую. И если чуть возвыситься над бранным, можно осознать, что сожаление и «если бы» не такая уж и непосильная плата за то, чтобы исследовать мир и познавать самого себя.

И, вы знаете, мне от одного знания, что такие мужчины, как мой первый муж, существуют, живется сильно светлее. И мелодрамы я не переключаю со словами «розовые сопли, которых в жизни не бывает», потому что знаю – бывают. Просто они... скажем так, на любителя или для женщины со здоровой самооценкой. А у меня с этим, как вы понимаете, большие проблемы. Или надо просто уже как-то разрешить историю с МКС, чтобы в очередной раз не столкнуться и не зайти на двенадцатый круг?

Давайте теперь обо мне

И о том, что я представляю собой, если смыть тональный крем и посмотреть на себя без прикрас, своего рода SWOT-анализ. Мы склонны проверять таким способом идеи и бизнес-проекты, но никогда не смотрим под его призмой на самих себя. Как на домотканое одеяло личности, собравшее в себе материал чужих мнений и характеров. Какой лоскут из меня, а какой из покупной ткани? Я расчертила лист бумаги на четыре части: сильные стороны, слабые стороны, возмож-

ности и угрозы, чтобы оценить саму себя как проект. Главный проект в своей жизни. И если уж на полгода застряла в подводной лодке с задраенными люками, неплохо было бы разобраться, кто я вообще такая.

Мы склонны оценивать себя по тому, как отражаемся в других людях, по социальным поглаживаниям и лайкам, по похвале близких и критике далеких. Из каждого утюга доносятся лозунги и призывы «прими да возлюби самого себя». Но как можно любить мираж, того, кого ты толком не знаешь? Мне кажется, наличие «бывших» и «возможных» на периферии взгляда говорит именно о нелюбви и незнании себя. «Возможные» – такие же миражи, скроенные из наших додумывай, мечтаний и опасений. Но не по такому ли принципу мы смотрим на самих себя? Если мы скорее верим обратной связи от окружающего мира, чем собственному нутру, то мы сами для себя становимся лишь возможными и бывшими. Но как стать настоящей без фильтров и оправданий?

Я пошла по привычной бизнес-стратегии и расчертила лист.

В сильных сторонах так и хочется вставить копиястом строчки из резюме: стрессоустойчивость, инициативность, ответственность, пунктуальность. Качества. Но каче-

ства определяются результатом действий. Например, о себе я могу сказать, что производительна. Однажды я за неделю написала сценарий полнометражного фильма, с которым мы потом стали финалистами премии «Дебют». А чего стоит изданная в девятнадцать лет книга, которая лежала на выкладках даже в продуктовых гипермаркетах. Или то, как в ковид я собралась, лишь сутки оплакивая замороженные кинопроекты, и снова засела за прозу. Результат – четыре объемные книги за два года. Не каждый автор может таким похвастаться.

Творческая плодовитость – вообще мой конек. Не шли книги, я начинала придумывать смешные подписи к ретро-фотографиям. Выкупала на них права, находила пошивочный цех и гуру по исполнению принтов дорогими японскими красками. У многих моих знакомых футболки и свитшоты до сих пор живы. А еще я находчивая. И сейчас проиллюстрирую почему.

Мы остановились возле подъезда, где объятия затянулись сильно дольше положенного по регламенту для приятелей. Чуть не соскользнули в поцелуй, но удержались. Я даже догадываюсь, почему удержался МКС. У этого поцелуя не могло быть сиюминутного продолжения, мы стояли возле дома, где я жила не одна. Он же тогда обосновался в другом конце города. Расстояние между нами легко измерялось в станциях

метро – двенадцать остановок по прямой. На машине, если топить тапку в пол, около получаса. Мне бы хватило времени одуматься. Или я бы попросту уснула.

Да и пока не случился поцелуй – нет никакого подвешенного состояния, чувства неловкости, необходимости подбирать слова и объяснять что-то, хотя бы самому себе. Просто хорошие приятели, которые прощались в рапиде.

– Я встречаю второй рассвет с человеком, с которым мне нельзя. Вот совсем нельзя. Нас проклянут, сварганят куклы вуду и проткнут вилкой, а я буду гореть в аду на подсолнечном масле, – рассказывала я следующим утром своему другу, *светскому обозревателю*, в телефонном разговоре. Мы так и не успели обсудить девушку, просканировать которую он меня попросил во время просмотра футбольного матча и жаждал информации. Он ее получил, правда отличную от той, что ожидал. В те времена еще не было обилия онлайн-кинотеатров и Netflix, поэтому сериалы нам заменяли жизни друг друга.

– И я так понимаю, это не *Татарстан*, – искрил *светский обозреватель* своей прозорливостью.

– Правильно понимаешь, – я взяла холодный лимонад и растянулась на диване, – Помнишь я приехала на футбол вся потерянная? Пешехода чуть не сбила. Это он.

– Пешеход? – пытался въехать в поворот сюжета мой медийный друг.

– Да. То есть это мой старый знакомый. Сводный брат моей первой любви. И болезненная влюбленность моей подруги. Шатенка с голубыми глазами на моем дне рождения была, ты еще к ней клинья подбивал. Она еще все время выходила – то позвонить, то в туалет... Ну, не вспомнил? – клянусь, про ее роман с кокаином мы все были в неведении. На удивление, мое окружение не потакало моде нулевых на химические ускорители и увеселители.

– И что? Это же не лучший твой троюродный брат, не свидетель с твоей свадьбы, который мужа с пеленок знает и крестить ваших детей намеревался. Там бы я занервничал, а тут не вижу проблемы.

– Ты не понимаешь. Ты когда-нибудь сидел за одним столом с двумя девушками, с которыми у тебя были сексуальные и любовные отношения?

– Даже с тремя, – не видел ничего предосудительного в ситуации *светский обозреватель*.

– И каково тебе было?

Светский обозреватель замямлил что-то про разное, другое, и что не все так однозначно.

– Вот я не представляю, как нам ходить на дни рождения к общим друзьям. Он никогда не сможет меня обсудить с

семьей, не собрав на себе косые взгляды. Наш роман станет табуированной темой как минимум для пяти человек. Табу могут быть в сексе, в африканских племенах Тумба-юмба. В дружбе и в семье не может быть табу. А они с самого детства и братья, и друзья. Вот у нас с тобой есть табу? И это несмотря на то, как мы начали...

– Ага. Ты думала, что всю ночь протусовалась с геем-телеведущим в караоке, а потом я позвал тебя в кино, и мы стали любовниками. Ненадолго, но было дело...

– И несмотря на это у нас нет табу. Ты бы разрушил нашу с тобой дружбу ради ночи с девушкой, которая может не иметь счастливого продолжения? Или вообще продолжения. Ради момента.

– Смотря, что за девушка.

Повисла тяжелая пауза.

– А если сохранить в тайне? Ну случилось и случилось, если не имеет продолжения – то можно никогда не поднимать эту тему. Пройдет время – забудется, – в его словах звучало много здравого, но я нутром чувствовала, нет – не забудется. Эхом отзываться будет всю оставшуюся жизнь.

– И потом спокойно сидеть рядом на свадьбах и крестинах? Считать мысленно промилле, контролировать, чтобы не перебрать и не спалиться? Шило в мешке не утаишь, – пыталась я объяснить свою логику штампами и понятными образами.

– А если шило тупое? Я тут смотрел развенчателей мифов, там один мужик на спор проносил шило двенадцать лет на дне рюкзака. И ничего... Ты, главное, не пиши про него никогда в книгах. Лучше про меня. Мы с бумагой все стерпим.

– Подожди минуту, – я отвлеклась на мобильный.

Да, тот разговор со *светским обозревателем* мы вели по домашнему телефону. Тогда они еще существовали. Динозавров не застала, предвосхищая ваш вопрос.

Звонил *Святой мужчина*. Напоминаю, мы тоже дружили.

– Слушай, тут такое дело, у меня воду отключили. Всю. И ту, и другую, – имел он ввиду и холодную, и горячую, – Приехал в спортклуб, а у них бойлеры не справляются, отправили в соседний из сети. А мне этот крюк вообще не в пику. Вечером важная встреча. Можно я заеду помыться по старой дружбе?

– Да не вопрос, адрес помнишь.

Я повесила трубку. В нашей дружбе, видимо, тоже не было табу.

– Кто это был? Пешеход? – полюбопытствовал *светский обозреватель*, когда я вернулась к домашнему телефону, прихватив по дороге упаковку с крекерами. Попкорна дома не оказалось, хотя скоро он, очевидно, мне понадобится.

– Нет. Бывший муж.

– Что хотел? – *светский обозреватель* остерегался Свято-

го мужчину, поскольку был первым мужчиной после развода и своего рода секатором, окончательно обрубившим на уровне физиологии нашу связь. *Святой мужчина* как-то вычислил его через твиттер и не особо симпатизировал, обзывая метросексуалом и говорящей головой, поскольку несколько раз видел программы с ним в кадре.

– Помыться придет. У него воду отключили. Пойду полотенце на сушилку положу чистое, чтобы согрелось – он теплые любит.

– Ничего себе сервис. Ты, кстати, знаешь, что сегодня день любви, семьи и верности? – *светский обозреватель* штудировал новости, пока я отвлекалась на мобильную связь. И прошлые связи.

– Хочешь меня поздравить? – сыронизировала я.

– Дорогая, не хочу тебя расстраивать, но боюсь, это не наш праздник, – зрил он в корень.

– Соглашусь. Погоди, опять мобильный.

На этот раз звонил *Татарстан*. Честное слово, я много раз думала внести тот день в одну из своих книг, но каждый раз возвращаясь к событиям, одергивала себя за руку – никто не поверит, что такое возможно. Даже несмотря на то, что у меня есть живое доказательство – *светский обозреватель*. Он у меня теперь вообще в программе защиты свидетелей.

– Привет! Я в Москве, – металлическим голосом осведо-

мил меня *Татарстан*, никакой радости в голосе я не почувствовала. Раньше он иначе докладывал о своем местонахождении в столице. – У меня встреча на час, а потом я хотел бы поговорить с тобой. Не люблю подвешенных в воздухе ситуаций. Подъеду? Ты дома?

– Хорошо. Только я спущусь.

– Ты не одна? Хотя, впрочем, неважно, – стало ясно, что через час мы будем расставаться.

– Одна. Просто мама должна с дачи приехать, дома не убрано, и я хочу на воздух.

– Ничто из этого меня не смущает. Окно откроем.

– Нет. Я спущусь.

Внутри все заиндевело.

– Только не говори, что к тебе еще кто-то едет мыться.

– *Татарстан* звонил, – грустно ответила я, – Через час заедет поговорить. Будет финалить наш роман. Чую.

– Смотри, чтобы во время катарсиса из ванной не вышел бывший муж. Он этого не оценит. Этого вообще никто не оценит.

Я сняла мобильный с зарядки и положила рядом с собой – надоело бегать. Как знала: на экране меня ждало сообщение от МКС: «Взял билеты на «Холодное сердце». На что я подписался? Заеду за тобой через два часа. Жди».

– Дружище, а вот теперь, кажется, у меня проблемы, – со-

поставила я паломничества по моему адресу. И по мою душу.

– Кто-то еще хочет у тебя помыться или с тобой расстаться? – захрустел он чипсами.

– Пешеход.

– Помыться или расстаться? – скатился в заливистый гогот *светский обозреватель*.

– Хуже. В кино идем. Мне надо развести их по времени и заранее одеться. Я побежала.

– Ты будешь гореть в аду.

– Расслабься, кто жил в Москве, тот в аду не потеет, – процитировала я мем, который бродил по интернету после горячего и дымного лета 2010 года.

– Напиши мне смс, если выживешь. Расскажешь, как там котлы: на джакузи похожи или совсем мрак?

– Договорились.

С такой скоростью душ последний раз я принимала, когда не услышала будильник перед выпускным сочинением. Схватила с полки первые попавшиеся джинсы, настолько неприлично рваные, что пришлось отказаться от белья, и нацепила белую футболку, кажется задом-наперед. Села на банкетку в прихожей и принялась просчитывать, чем может обернуться сложившаяся ситуация:

1. Если столкнутся *Татарстан* и бывший муж, будет

неприятно, сложно, но объяснимо. С *Татарстаном* мы познакомились в процессе моего расхождения со *Святым мужчиной*. С ним я переписывалась из того гостиничного номера в Воронеже, где приняла окончательное решение. Он тогда поступил по-человечески: предлагал разного сорта поддержку от моральной до материальной. Впервые как мужчина и женщина мы встретились за бокалом вина по моему возвращению. Что мы со *Святым мужчиной* дружим, я тоже никогда не скрывала. Даже подсвечивала, несколько набивая себе цену и при этом не провоцируя на ревность, упоминала вскользь. Я правда гордилась, что смогла сохранить человеческие отношения и даже трансформировать их в дружбу. А в дружбе нет табу. Ну негде помыться человеку. Как будто у *Татарстана* никогда воду не отключали? Хотя он же лысый, может и из бутылки минералки душ соорудить.

2. Если столкнутся *Татарстан* и МКС, будет хуже. Они теневые противники, как никак. МКС посягнул на территорию другого, пометить не успел, но пытался, что скрывать, пытался. С одной стороны, я вроде как чистая и практически непорочная дева. Не скрывала, что мне читали полночи Бродского, не увиливала от ответа, где пропадала. Даже про свой смазанный личный статус МКС упомянула. Тем более, уж ему я ничего не должна. С другой стороны, под перекрёстными взглядами могу растеряться и сморозить глупость, раскрыв, что по жизни я из не до конца определив-

шихся (никогда не спрашивайте меня: арбуз или дыня, помидор или огурец). Все равно внутри какое-то чувство, что я изменила. Есть такой старый фильм «Прошлой ночью в Нью-Йорке», муж изменил по полной, жена же так – беглый поцелуй, но ее предательство по масштабам превосходило содеянное супругом. Так и я. Изменила на уровне ощущений. Подло, вдумчиво, с чувством и расстановкой. Ладно, как минимум с чувствами. Нет, конечно, конфликтовать космическая станция и самый развивающийся регион в стране открыто не станут, но я буду выглядеть не комильфо. И ощущать себя так же.

3. Если столкнутся все трое, случится межгалактическая катастрофа, зияющие черные дыры поглотят меня целиком и обратят в темную материю. От моего образа порядочного человека не останется и следа. Куртизанка, в худшем значении этого слова. Настолько обнаглеть, что собрать в одном месте бывшее, настоящее и возможное и при этом не краснеть. Вы такое видели? Я – нет. Даже свидетелем подобного быть не хочу, не то что участником. Внутри меня все скукожилось в черносливину, и я решила гнать от себя эти мысли ссаными тряпками, дабы не провоцировать вселенную материализовать свои страхи. Она, знаете ли, дама отзывчивая. Ладно, в крайнем случае запрусь в туалете и буду писать *светскому обозревателю* сообщения с просьбой вызвать МЧС и спасти меня.

Как вы прозорливо догадываетесь, все пошло по четвертому сценарию. Согласно таймингу первым приехал *святой мужчина*, правда с огромным букетом чайных роз – поздравил с Днем Любви, Семьи и Верности. Мы были семьей. Мы были верны. И когда-то любили друг друга. Но учитывая момент, Святой Валентин вертелся пропеллером в гробу и телепортировал мойрам послание – к черту узлы, заплетите ее жизнь в тугую жгут.

Святой мужчина подарил букет без подтекста (возле подъезда располагался кособокий ларек с цветами – жест вежливости, не более того), а душ не был поводом возобновить отношения. На мое счастье, он и правда торопился на встречу. Стоило его машине отъехать, как следом во двор заехал *Татарстан*. Фуф, разминулись.

Я присела к нему в машину. *Татарстан* дежурно поцеловал меня в щеку и не сводил глаз с дороги, хоть и стоял на паркинге. На меня принципиально не смотрел. Мы прослушали пару песен Леонарда Коэна, пока тахикардия и волнение не заставили меня резко выключить звук.

– Говори!

– Думаю, – *Татарстан* пошуровал в бардачке и достал оттуда пухлый конверт.

– У тебя было время подумать, пока ты ехал. Ты сказал,

что нам нужно поговорить. Начинай.

– Возьми сначала, – протянул он мне конверт.

Я открыла, там лежала плотная пачка новых стоевровых купюр. Вот это поворот.

– Что это?

– Это тебе. Только начала бизнес. А бизнес – штука такая, в любой момент деньги могут понадобиться. Пусть будут. Если меня рядом не окажется, – витиевато подводил он к финалу.

– Что не так? – я уже понимала, что мы расстаемся, но мне хотелось услышать причины из его уст. До этого никто первым со мной не заканчивал. Я хотела четкости, понимания, после – возможно сатисфакции. Но для начала – оценить реальное положение дел на своем любовном фронте.

– Я не могу оправдать твоих ожиданий. И не оправдаю их, даже если бы хотел. Мы ругаемся чаще, чем видимся. Не работает, не сходятся шестеренки в единый механизм.

– А зачем ты тогда все это начинал? Полгода приятельского общения, потом несколько месяцев свиданий, и вот мы вместе. Неужели ты еще на первом этапе не понял, кто я? – Я никак не могла взять в толк, как чиновник высокого ранга не просчитал все на берегу.

Он же изучал меня. Сначала знакомство. После – взаимодействие в твиттере и прочих социальных сетях, где я тогда транслировала каждый чих. Далее – переписка, оба на гра-

ни развода, сошлись, как родственные души в нескончаемом диалоге. После – встречи, сначала нейтральные, далее – свидания. Сильно позже – роман.

– Я был уверен, что у нас не сложится. Но решил попробовать, чтобы не жалеть, – открыл он карты. Это у МКС в каждом рукаве и кармане по джокеру, у *Татарстана* – голый пиковый туз, когда козыри – черви.

– А когда сложилось, так удивился, что решил расстаться? – я правда не понимала, зачем ему было начинать со мной отношения, если на берегу для него было ясно – фрегат потонет, лучше сразу приготовить шлюпки, – Помнишь, как я сюрпризом прилетела к тебе? Я хотела посмотреть на город. Мне он понравился. Я хотела там жить. Я смогла бы там жить. С тобой.

– Не смогла бы. Ни со мной, ни с городом. И со временем это поймешь. Чаще бы ты там меня не видела, все время искала бы повод слинять в Москву – мы просто растянули бы неизбежное во времени. А рожать и жить тут ты не хочешь. Так зачем нам обоим терять время? У тебя есть в запасе еще одна жизнь на ошибки? – мне захотелось запомнить эту фразу, чтобы заклеить лживое определение термина «цинизм» в толковом словаре. Истинный цинизм – вот он.

Сейчас я оценила бы подобную честность, но тогда казалось, что меня предали. Не согласилась на то, что надо, значит на фиг с пляжа, никаких компромиссов я искать не на-

мерен. Нет у него запасной жизни на ошибки. Ты – ошибка, сотри себя ластиком.

– Я, пожалуй, пойду! – несмотря на голого пикового туза, козырей у меня в арсенале не было. Крыть нечем.

– Давай не на такой ноте? – пытался он удержать меня в салоне машины и наконец посмотрел в глаза.

Я нашла в телефоне трек из «Реквиема по мечте» и включила на полную громкость.

– Ну если та нота не нравится, то давай на такой.

День любви, семьи и верности, говорите? У меня так – ни одного из вышеперечисленного. Почему нет Дня одиночества творческой женщины? Или Дня тотального невезения? Мы что, не заслужили праздник на своей улице? Ладно – грузовик с конфетами можете не рассыпать, но хоть в календаре дату для нас обозначьте. Теперь главное удержать подступающие слезы и дотерпеть хотя бы до этажа, не хочу запускать паутину сплетен, которая растянется от консержки до моей мамы через приятельницу бабушки. Кстати, о соседях. Мы с соседкой по лестничной клетке хранили пачку сигарет за фикусом возле лифта – мало ли накроет и пригодится. Накрыло. Пригодилось.

Через окно на лестничной клетке я лицезрела, как *Татарстан* стоит припаркованный и не трогается. Я открыла нашу с ним переписку в мессенджере – печатает... Добить меня,

значит, решил. Давай, отправляй уже.

Слезы текли градом, белая футболка была вся в туши и серых подтеках. Интересно, а если бы я не сказала про пятницу и Бродского, все было бы иначе? Цветы были бы от него? Если бы не играла в самостоятельность, отказалась бы от ночных эфиров на радио выходные через выходные, меньше бы пропадала вечерами с друзьями, он бы рассмотрел меня как девушку, которую можно перевезти к себе? А на голубые озера бы свозил? Экскурсию бы в местный кремль устроил?

Все еще печатает...

Я выключила звук на телефоне, чтобы даже не знать, что там, а сам аппарат запихнула в карман джинсов. Чтобы думать, что написал, но не стал отправлять, переиграл. Я трусливая, не готова читать длинный текст, где мне по полочкам разложат, чем я не подхожу и почему отношения между нами невозможны.

Если бы *Татарстан* не держал меня на расстоянии вытянутой руки, мне бы не пришлось коротать очередные выходные со светским обозревателем, я не отправилась бы смотреть футбол и не встретила МКС. Это он запустил цепную реакцию, и теперь оставляет меня один на один с фатальным соблазном. Я жалела, что не бросила театрально конверт.

И чувствовала себя содержанкой, которая взяла отступные, чтобы не бузить. Интересно, а сколько там?

МКС застал меня напротив лифта. Я сидела на ступеньках и считала купюры, рыдая с сигаретой в зубах.

– Однако, – не нашел, что сказать МКС, застывший в кабине и не решающийся выйти. – Мы просто в кино опаздываем, а ты трубку не берешь. Дверь в подъезд была открыта, вот я и решил подняться за тобой, – объяснял он внезапное вторжение в личное пространство. До этого МКС в него вламывался, не оправдываясь. – Что-то случилось?

– С чего ты взял? – Я вытерла слезы и попыталась запихнуть конверт в задний карман и быстро затушить сигарету. – Хотя, неважно! Пошли, я футболку переодену.

МКС молча проследовал за мной в квартиру.

Там стояли розы. Прямо в коридоре. Жизнь меня научила не ставить на столы высокие вазы, когда проветриваешь квартиру-распашонку, окна которой выходят в две стороны. Так пал смертью храбрых мой первый макбук.

– *Татарстан* в Москве? – выдал МКС оксюморон и с некоторым презрением посмотрел на цветы.

– Бывший муж заехал помыться и поздравил с Днем, любви, семьи и верности. А *Татарстан* со мной только что расстался, – выдала я чрезмерную порцию информации и, чтобы он не подавился деталями моей жизни, добавила, – А про

деньги ничего объяснять не хочу, — хотя позже подумала, что могла бы легко отмазаться, якобы завез партнер по футболкам, чтобы я оплатила ткань. Теперь мы можем себе позволить рулонов пять, а то и десять. И без ущерба отказаться от китайских поставок и продолжать кормить итальянские фабрики.

Я потеряла легкость. Из пушинки-Венеры я стала тяжеловесным Сатурном. И по виду, и по содержанию. МКС тоже сразу потяжелел взглядом и словом. Сколько бы я ни пыталась смешными историями завязать диалог, он не клеился. В нелепых попытках поднять себе настроение мы доехали до кинотеатра. Я забыла предупредить МКС, что всегда реву на мультиках и фильмах про животных, хотя следовало бы. На премьере очередной части «Нарнии», когда Крыс ушел в мир Аслана, я залила слезами весь зал. Незнакомые дети собрались вокруг меня ватагой и протягивали носовые платки. «Холодное сердце» не стало исключением. Испачкала вторую футболку за день, поставила в неловкое положение МКС, тоже второй раз за день. Пора переходить на водостойкую тушь.

МКС, сославшись на усталость, сразу после фильма отвез меня домой, хоть мы и собирались потом поужинать. Я чувствовала, что теряю второго мужчину за день, абонент стремился за пределы зоны доступа. Еще вчера в это же время он

готов был просидеть возле моего подъезда два часа кряду, а теперь даже символически не накормил хот-догом. Я его разочаровала. Я снова не та. Снова для кого-то не та, что он придумал. Еще утром я представляла, как он возьмет меня за руку в кинотеатре, что ему покажется трогательным, как восприимчива его спутница к добрым мультикам, и тогда... тогда для себя решу, и может, в новом рапиде объятий случится поцелуй. Но мы просто прислонились щеками, когда я выходила из машины. Никаких «спасибо за вечер». Молчание. Еще и сообщение от *Татарстана* в телефоне, которое нет сил прочесть.

Я дождалась, пока МКС отъедет, вышла из подъезда и направилась к ближайшей палатке, чтобы купить пару бутылок мексиканского пива. Мужчины называют его мочой бегемота, а мне нравится. Особенно, если вставить ломтик лайма в горлышко. Но в тот вечер мне было не до лайма, и тем более не до ломтика. Я вставила наушники и прикончила нашу с соседкой табачную заначку, глядя на закат.

Тогда я познакомилась с одиночеством. Нащупала внутри себя гигантский войд, как в созвездии Гончих Псов. Когда я уходила от мужа в гостиничном номере Воронежа, я знала, что есть *Татарстан*. Он просто есть. Что будет день, будет встреча, будет близость, любого сорта, но не одиночество. А сейчас – конверт с валютой и оно родимое. Именно от ощущения, испытанного тем летним вечером на лест-

ничной клетке подъезда, от дыма сигарет, что тогда щеко-
тал ноздри, я буду бежать по замкнутому кругу следующие
одиннадцать лет. Пока не решусь нажать на паузу и не разо-
рвать ленту Мебиуса, в которую обратилась моя жизнь.

МКС больше не позвонит. Мы просто весело провели вы-
ходные, и дальше нам не по пути. Теперь это очевидно. Од-
ни реальные и одни потенциальные отношения ушли за тот
день в мир Аслана. Я осталась одна. Так, наверное, и должен
заканчиваться день любви, семьи и верности, у таких как я.
Которые не ценят, не берегут и пытаются жить, как им нра-
вится.

– Ты там жива? – пришло сообщение от *светского обозре-
вателя*. – Никто никого не встретил?

– Никто никого не встретил. Сегодня, видимо, день рас-
ставаний, а не встреч.

– А Пешеход что?

– Пешеход во мне, как и *Татарстан*, разочаровался.

– Так и сказал?

– О таком не говорят. Такое чувствуют. Спокойной ночи,
друг! Если до сорока я не устрою личную жизнь, станешь
моим идеальным донором?

Мне было двадцать шесть. И я уже просчитывала этот
вариант развития событий. Отношения между мужчиной и
женщиной – самое хрупкое, что создала природа. Настоящая
же дружба – булатная сталь.

Моя слабыхарактерность

Тот вечер обнажил мою слабую сторону: меня пугало одиночество. И я не могла нащупать, в каком из аспектов сильнее всего – эмоциональном, социальном, физическом, финансовом. «Мы рождаемся одни, мы умираем одни» – гласила истина, но промежуток между этими неизбежными явлениями мы же можем провести с кем-то. Насытиться теплотой, эмоциями. Соединить воспоминания в единую канву.

Помню, когда я внутренне уходила от *святого мужчины*,

меня пугала смешная и странная мысль: если нагрянет апокалипсис, с кем рядом будут ссыпаться в бездну небытия последние песчинки минут жизни? До этого я знала, что мы будем вместе – обниматься, глядя в лицо ядерным грибам, заниматься сексом на капоте с видом на то, как все летит к чертовой матери. А теперь? Он будет держать за руку дружю. И та не я, та его не отпустит. Вцепится мертвой хваткой и будет права.

Мы привыкли приписывать эгоизм слабости характера. Рамножившиеся, как шампиньоны после дождя, психологи информационной атакой учат снижать градус альтруизма. Но все равно на подкорке выгравировано: эгоизм – это плохо. «Ты думаешь только о себе!», «А как же мои чувства?». Так и хочется ответить: твои чувства – твоя зона ответственности. Но на каждое «хочется» подсознание отвечает голосом авторитетного взрослого из детства: перехочется. Помните это слово? У меня от него до сих пор мороз по коже. Как будто воспитание строилось на негласном каноне – ограничить ребенка в желаниях и пресекать на корню «хочу».

Однажды во время длинного перелета я поделилась с мамой историей про первый поцелуй. Как мне было стыдно за страстный и волнительный вечер, который произошел во время захвата террористами «Норд-Оста». Мы не знали про

захват. Мы не знали, что в зале были наши знакомые, а близкие друзья чудом вышли во время антракта – сбежали играть в бильярд. Я пришла домой, светящаяся от радости как Альфа Центавра в безлунную ясную ночь. И тут экстренный выпуск новостей. Нутро хотело прокрутить пережитое, заново прочувствовать в воспоминаниях. А на экранах группа «альфа», готовая штурмовать.

– Что-то вроде поколенческого запрета на счастье, – подытожила я. – Часто замечаю, что люди, родившиеся на цикл Сатурна ⁶ позже меня, иначе относятся к происходящему, – поделилась я своими соображениями. Что новое поколение не испытывает чужеродного чувства вины, абстрагируется, не хватает лишнюю ответственность – которую так легко накинуть как лассо, если в тебе есть прошивка «эгоизм – это плохо».

– А меня в детстве ругали за мечты. Ну не то, чтобы ругали, – пыталась мама подобрать корректные фразы. – Мне даже бабушка говорила: «Все равно не сбудется, так хоть помечтаем».

– Ты мечтала несмотря на запреты? – наконец начали разносить алкоголь.

– Конечно, – с тоской в голосе ответила мама и взяла свой бокал.

– И что вышло?

---

⁶ 20 лет.

– Сначала перестройка. Потом дефолт. Но хоть помечтала.

– А после? – вдруг осознала я, как травмы нагруженной поклажей вереницей идут через поколения.

– Дальше я разучилась мечтать. Это не инстинкт, это навык, который легко атрофируется, если его не практиковать.

– Почему ты ругала меня, когда я выбирала свои интересы? – нащупала я в себе обиду.

– Я не могла дать то, о чем ты просила. И на автомате ты пытаешься сделать так, чтобы человек перестал хотеть. Это решает проблему в зародыше, – конечно, она делала это не сознательно, просто запустилась программа, установленная много веков назад.

– А теперь каждый раз, выбирая себя и свои интересы, я испытываю чувство вины. Может, поэтому в моем поколении вдруг выявилось столько жертв абьюза? – поделилась я соображениями и новомодным словом. – Потому что мы – идеальные жертвы. Нас хлебом не корми – дай кого-нибудь спасти. Себе в ущерб желательно. Просто предоставь пространство для самобичевания, мы тут как тут.

– И как это лечить? – относительно равнодушно поинтересовалась мама. Для себя она считала это уже не актуальным. Как прожила – так прожила. Утопила несбывшееся в путешествиях и работе.

– Эгоизмом, мам! Говорят, махровым эгоизмом!

МКС – единственный мужчина, с которым я разрешила себе быть эгоисткой. И как бы он не отрицал – именно это его потом зацепило. Именно это не сделало меня той, которая готова топтаться на высоких каблуках на переходе в ожидании. Но, может, именно поэтому у нас и не сложился пазл? И я до сих пор ношусь с его кусками, плутая в слепых зонах?

Когда МКС не написал после похода в кино, я сама не объявлялась.

Мои мысли были заняты работой, чтобы вытеснить переживания насчет *Татарстана*. С ним же тоже существовала альтернативная реальность – я уже построила нам дом практически в центре Казани (там есть жилой сектор с участками), устроила себе региональное будущее жены видного чиновника. Рожала в Майами, где послеродовые палаты смотрят балконами на океан. Открывала благотворительный фонд. Кстати, из искреннего желания сделать мир лучше и немного потакая установке «эгоизм – это плохо». А тут – очередная сдохшая лошадь. Бери лопату и закапывай.

Я никогда не делала ставки на мужчин. Но строила мечты. Неистово и самозабвенно. Для меня расставание с *Татарстаном* – как упасть со второго этажа. Не умереть, но покалечиться. Я искренне верила, что, дождавшись разрешения моего союза со *святым мужчиной*, перетеку в его жизнь. И

в этом русле мы сомкнемся в единую субстанцию.

Кстати, МКС – еще и единственный человек, с которым я не строила грандиозных планов, не склоняла голову к подушке, проигрывая, как сложится наша история. Она не сложится. Тогда мне казалось, что это даже не история. Крохотный эпизод, занятный пазл – скоротать вечер. Проехали.

Меня всегда выручал внутренний трудоголик, как персональные Чип и Дейл: если погрузиться в работу с головой, затуманить сознание текстами, сметами и эскизами, выплываешь и плечи расправляются. У нас теперь корнер в шоуруме – бывшем заводском помещении, который превратили в арт-квартал.

Это пространство находилось на севере Москвы, жил МКС на востоке, работал в центре, попутным ветром не занесет. Чемпионат Европы по футболу закончился, ничего о нем не напомним. Странно, я не знала, за кого болел МКС, несмотря на то что он помойным голубем перемещался по всем стадионам. Как и не знала, за кого голосовал. О том, что он тоже учился в сердцевине города – в двух троллейбусных остановках от моей гимназии, и то узнала случайно, когда мы проезжали «Макдональдс» на Пушкинской.

Вереница дней, густых, событийно насыщенных, уволокла меня в прозу жизни, поставив лирическое отступление на

паузу. Теперь уже я слонялась помойным голубем по городу, то выкупая фурнитуру, то заказывая бирки, все – лишь бы стереть из памяти День любви, семьи и верности. Вспомнив про семью и наш разговор про эгоизм, я вытащила маму пообедать. Мы решили совместить приятное с полезным, заехать в шоурум, забрать выручку и заодно поесть. Тем более что там на встрече сидели моя партнер по футбольному бизнесу и владелица сети шоурумов.

Внезапный девичий обед заставил меня посветлеть – мы смеялись над обыденным и вспоминали курьезы, как вдруг я получила сообщение: «Купил все футболки моих размеров, которые были». Я настолько растерялась, что сдала свою геопозицию. МКС зашел в небольшой ресторанчик, одетый с иголки. Обрасти он щетиной и будь более смуглым – можно на обложку Dolce&Gabbana, они любят спекулировать образами сицилийской мафии. Кстати, Сицилию когда-то Зевс презентовал Персефоне и Аиду на свадьбу. На МКС был черный деловой костюм и идеально отутюженная рубашка. В руках – несколько пакетов с моей фамилией. Мы специально заказали такие, чтобы наш продукт упаковывали в именную «тару».

МКС произвел неизгладимое впечатление на моих спутниц – те сразу поплыли, будто увидели реального сицилийского мафиози. Лощеного, галантного. МКС со всеми поздо-

ровался, коротко поддержал беседу и раскланялся, оставив нас обсуждать его внезапный приезд. Моя партнер по бизнесу сразу выдала: горяч и хорош собой, надо рассмотреть поближе и вообще не строить из себя недотрогу. Мама снова оценила его роковой ход конем – с гордо поднятой головой зайти, обозначить заинтересованность и быстро ретироваться. МКС в ее глазах метил в Каспарова. Владелица шоу-рума откровенно строила МКС глазки, забыв про недавнюю помолвку и третий месяц беременности. Только когда его черный автомобиль бизнес-класса миновал шлагбаум, с меня спал румянец. Я не хотела говорить, кто он и как здесь оказался. Все и так было понятно – продемонстрировать лояльность к нашему бизнесу и произвести впечатление. Дальнейший ход был за мной, но я не решилась ни на что, кроме короткого сообщения «Как твои дела?».

Спустя полторы недели МКС вылез из подполья и дал о себе знать. Прекращать общение он не намерен. Агрессивно инициировать – тоже. Я решила выделить себе время, тем более что все выходные вела ночные эфиры на радио и даже технически встретиться с ним больше, чем на час не могла. А как показала практика, если не реветь, не курить и одновременно не пересчитывать стопку евро, часом общения мы не ограничиваемся.

Я просчиталась. В первый же выходной день после нашей

«случайной» встречи в шоуруме он написал – снова позвал в караоке. Той же компанией. В то же место. Я заканчивала эфир в четыре утра и была за рулем, потому отказалась. Больше он носа сам не показывал. Каждый день, открывая ящик с нижнем бельем, я натыкалась на стопку евро. Что мне с ними делать? Оставить на черный день? Спустить на стриптизеров? Партнер по бизнесу настаивала, чтобы я потратила треть на себя, выписала свои желания и исполнила их, тренировала махровый эгоизм на поле боя. Я купила себе очки в дорогой оправе, пару нарядов, новый макбук и записалась на новомодную эпиляцию всего тела. Оставила еще на подарок подруге – она тоже отмечала день рождения за городом. Правда на этот раз в Московской области.

Субботним утром я заехала в салон, чтобы купить ей сертификат в подарок, оделась красиво, помня прошлые недо-разумения – решила, что лучше кинуть в багажник джинсы, свитер и кроссовки. Сориентируюсь на местности. Когда мастер заканчивала поднимать мне идеально вытянутые волосы у корней, написал МКС:

- Что делаешь?
- Укладываю, – айфон убрал окончание «сь».
- Волосы или асфальт? – показал он хорошее настроение.
- Хотелось бы асфальт, но волосы. Собираюсь за город к подруге на день рождения. А ты как?
- Думал увидеться, – и следом добавил, – Может, я заберу тебя и поработаю трезвым водителем?

– Я припаркована на Остоженке. Приезжай, – гулять, так гулять.

Я вытащила из багажника пакет с джинсами и кроссовками и пересела к нему в машину. Сообщила адрес, он вбил его в навигаторе. Предупредила подругу, что буду не одна, но это ничего не значит. Чтобы никаких косых взглядов и каверзных вопросов.

Мы на удивление светло и легко провели вечер за городом – качались в гамаке, играли в бадминтон, прятались от дождя в беседке. Мой несколько развратный наряд перекочевал к нему в машину, в пакет, где до этого лежали джинсы. Мы уехали с дачи под Солнечногорском, когда догорал закат. И застали далекие нити галактик и стразы звезд на полотно неба, пока город не накрыл нас колпаком смога.

Друзья МКС, те, с кем мы ходили в караоке, ждали нас в одном из баров Москвы. МКС захотел заехать домой переодеться. Я решила, что мне тоже стоит сменить одеяние. Облачившись в первичный наряд за закрытой дверью ванной комнаты, я думала, что делать: ехать в бар с огромным пакетом или оставить у МКС? Не последний же раз видимся, потом заберу. Возможно, сегодня. Подсознательно, я зачем-то оставила себе тропинку, по которой ухитрюсь вернуться к нему в квартиру. А если что, без джинсов, свитера и кроссовок я как-нибудь переживу.

– Можно я оставлю, чтобы с собой не тащить?

– Нужно, – сразу поняли мы друг друга, – Такси подъехало.

Если честно, я плохо помню тот вечер, и не потому что мы много выпили. Нет, не много. Он просто казался таким обыденным и привычным, будто это еженедельная традиция. Смеемся о своем, обсуждаем насущное, перебираемся из одного заведения в другое, оцениваем толпу, отпускаем едкие ремарки. Держимся стаей. О том, что я там временная, думать не хотелось.

– Проедем мимо меня, чтобы ты забрала вещи? – во фразе МКС было сложено многое. Сознательно или нет. Он дал мне выбор: хочешь поехали ко мне или я провожу тебя домой, хочешь поехали ко мне с продолжением, хочешь, не будем отпускать такси и просто заберешь пакет. Я согласилась. Когда он отпускал таксиста, я даже не считала, что он снова все за нас решил. Даже если МКС сделал это непреднамеренно, неважно – я тоже для себя все почти решила.

Не просто же так говорят, что у судьбы нет причин сводить посторонних.

Мы поднялись в его холостяцкую обитель с видом на набережную. Я вообще ценитель набережных – всяких, и той, на которой многовековой Кремль с Рубиновой звездой и Фрунзенской с дефилирующими собаками, откуда открывается

вид на нескучный сад и старинный особнячок, где во времена моего детства располагалась библиотека. Мне даже нравятся новомодные в районе Шелепихи или бывшего завода ЗИЛ – с урбанистическими видами. Главное – вода с ее неспешным течением. Я там замедляюсь и успокаиваюсь. Я там остываю и дышу.

– Хочешь по бокалу? – направился МКС к холодильнику, где кроме вина можно было найти разве что пару кусков заветренной колбасы.

– Хочу по бокалу. И покурить, – решила я соприкоснуться взглядом с водной гладью и попортить себе легкие.

– Тогда балкон в твоём распоряжении.

Я устремилась на балкон и прикурила сигарету. С момента расставания с *Татарстаном* решила, что лучше держать записку в сумке, а не за фикусом. МКС появился за спиной так тихо, что напугал. Я вздрогнула, когда он прислонил запотевший бокал к плечу возле лямки. Мы сделали пару глотков. Сигарета стлела у меня меж пальцев. Внутри свербело: не хочу уезжать, будь, что будет. В конце концов, разве не за подобными эмоциями и моментами я отправилась, выкарабкиваясь из крепкого брака в свое самостоятельное плавание? Ветер надувал паруса. Мы с МКС встречали третий совместный рассвет за месяц.

– Мне, наверное, пора ехать, – сказала я для виду, проверить, что он будет делать.

– Ты меня прости, но сегодня я тебя никуда не отпущу, – взял он бокал из моих рук и поставил на подоконник.

Нельзя сказать, что этот поцелуй оказался спонтанным, но он точно не был в рапиде. Прошло почти три недели с момента, как он читал Бродского – мы дали себе время подумать.

Поцелуй утянул нас в постель на сутки. После мы ездили стрелять в тир. МКС там все знали – сразу выдали ружье, к которому он привык. Вывесили мишени. Он стрелял первым. Предупредил, что будет отдача. Адреналин притупил боль, и я не чувствовала, как выстрел «эхом» задевает мое плечо. Только вечером обнаружила обширный синяк. И левая рука подрагивала, будто переборщила с отжиманиями и бёрпи, еще пару дней.

Потом мы с МКС где-то обедали, может, снова ходили в кино. Я толком не помню. Помню, что вернулась домой в понедельник и никак не могла собраться с мыслями. А что это вообще было? Ну провели вместе выходные. Мы не обозначали, что между нами происходит, не назначали встреч, ушли в молчание до пятницы. Я знала, что он появится. И да, я его ждала.

Как по нотам, пока я ужинала перед ночным эфиром, МКС написал, что они с друзьями ждут меня и планируют веселиться всю ночь, так что спокойно переживут, если я подъеду к ним ближе к четырем часам ночи. Или это уже утро? Я изъявила готовность присоединиться – в конце концов у меня будет время, чтобы к следующей ночи отоспаться и быть у микрофона во всеоружии.

Тогда у радиостанций уже исчезли требования оставлять гаджеты за пределами студии. Но ставить на беззвучный – обязательно. Именно поэтому я только на предпоследнем рекламном блоке обнаружила десяток сообщений от *Татарстана*. Он сидел в машине, припарковавшись на стоянке, вместо того чтобы подняться в свою московскую квартиру и рухнуть спать. Комментировал каждое сказанное мной слово, обкладывал трёхэтажным матом всех звонящих в студию. Заполировал поток сообщений лаконичным «Скучаю». За одиннадцать лет МКС ни разу не написал мне этого слова, хотя его нетрезвые звонки по выходным под утро, которые я всегда пропускала, говорили кэпслоком: он скучал.

- Ты во сколько приедешь? Вино белое? – писал МКС.
- Прости, я не приеду. Эфир вымотал.
- Как знаешь.

Я не поехала к *Татарстану* на крыльях антиэгоизма, но отправилась домой с ощущением, что опять делаю что-то

неправильное. Укладываю волосы, покупаю платья и делаю эпиляцию на деньги *Татарстана*, а выгуливаю содеянное с другим. Который ничего не предлагает и ничего не обещает. Только момент, только эмоции, внезапно космический секс, когда забываешь даты и времена года. Когда искажаются время и пространство, отрицая и отменяя Евклида. Потом приходишь в сознание и думаешь: мне это привиделось или как?

Не стоит думать, что *Татарстан* – юношеская фантазия из нулевых, как ликвидно выйти замуж. Он был невысокого роста, чуть полноват, активно лысел, но брал харизмой и юмором всех, кто попадал в его поле зрения. Мы просочились в жизни друг друга незаметно. После случайной встречи на дне рождения у одной именитой подруги он нашел меня в твиттере – позволил себе саркастичный комментарий и еще и синтаксические ошибки просил поправить, ему резало, видите ли. Я ответила едко и отправила его заниматься не филологией, а экономикой региона. Будучи человеком публичным, он не имел возможности высказать мне все, что думает, открыто. Поэтому раздобыл номер телефона и написал СМС.

Он находился в состоянии развода, я же к нему приближалась. Мы понимали все переживания: например, как тяжело, когда уже занес ножницы, перерубить нить. Как все время откатываешься назад, будто тянут за лямку. *Татарстан* не позволял себе фривольности или пошлости, не счи-

тал женщин «занятой скотиной» и не мерил всех под одну гребенку. Первая наша встреча оказалась безобидной и приятельской – он привез из туманного Альбиона, где был в командировке, мятные конфеты, которые тогда не продавались в Москве. Я просто спустилась забрать их, и мы на пять минут сцепились языками – в благопристойном смысле. Только после Воронежа он позвал меня на свидание – мы пили вино, а потом я обливалась горячими слезами на фильме «Артист». *Татарстан* мониторил, получит ли картина Оскар, и когда это свершилось – разбудил меня этой новостью. «Не зря плакала».

А еще я тот редкий человек, который видел его пьяным. Они подписали какую-то головокружительную сделку по строительству крупного кластера, и мы на пару с водителем ловили его по округе. Сразу после подписания он командовал ехать по моему адресу. Радовался, как пятилетний пацан, получивший лего, и чуть ли не исполнил танец маленьких утят. Мне пришлось пообещать неделю не высказывать претензии и не ругаться, чтобы он сел в машину и отправился спать. Для него кластеры – не просто особая экономическая зона, а возможность дать людям работу. Он вырос в маленьком городке на Западе Украины и, приезжая туда студентом на лето, ужасался отсутствию рабочих мест. Он вообще считал труд – решением проблем алкоголизма, паде-ния рождаемости и даже послеродовых депрессий. Безделье

– врата в уныние. А уныние, как известно, грех.

Несмотря на то, что *Татарстан* пришел в условную политику из бизнеса, им двигали какие-то юношеские гуманистические идеалы, как бы старательно он ни прикрывал их наносным цинизмом. В нем было, что уважать. И определенно, его было за что любить. А еще я никогда не видела его растерянным или испуганным. С ним верилось – что бы ни случилось, все умрут, а я останусь.

Какая разница, что было с МКС? Это все равно меньше тех трехсот страниц А4 нашей переписки с *Татарстаном* – однажды мы слили ее в файл и распечатали. И теперь у меня снова есть мой *заветный регион*. Теперь я снова могу лить слезы в темном кинозале – а он считать это трогательным и искренним. В голове опять прорисовывались акварелью пейзажи Майами, где я рожая в компании друзей, которые травят анекдоты и кадрят импозантного врача-акушера. После – уже маслом или акрилом сцены, как я защищаю федеральную или хотя бы региональную программу помощи сиротам, и наша с *Татарстаном* совместная жизнь. Может, мне больше не надо рожать дистанционно? Может, он готов на компромисс? Может, ну их, эти пазлы, и лучше брать кисть в руки и рисовать будущую жизнь?

Снова палатка, мексиканское пиво, наушники. С МКС все

равно ничего не получится. Выпускайте шлюпки, я шварту-юсь под Казанью. Там же есть крупные реки?

Со стороны кажется, будто бы я между ними выбирала, но нет – невозможно было выбрать МКС, потому что он мне ничего не предлагал. В этом парадокс: я могла строить гипотезы насчет его намерений, но действий, которые бы говорили, что парень готов на долгую дистанцию, не было. Меня засасывало в эмоциональный омут. И можно было бы занырнуть в надежде нащупать дно и от него оттолкнуться, но *Татарстан*, почувствовав, что я окунулась в чужие воды, сразу сбросил спасательный круг в виде «скучаю». Или крючок с наживкой? Чтобы не думала, что сорвалась с него. Может, он оберегал? Как мог и как умел – от сослагательных наклонений.

Татарстан знал, насколько я падкая на эмоции от спокойных рациональных мужчин. В их «скучаю» мне виделась триумфальная победа: я расколола панцирь, из тебя показался живой человек! Поразительно и то, что за его «скучаю» я взяла на себя ответственность. Раз скучает по мне – значит я к этому причастна. История с МКС все равно никуда бы не привела – еще пара выходных, и он подобрал бы мне замену. А тут – как никак история, долгая, тягучая, как ириска, поселившаяся в конфетнице с бабушкиных времен. Перед сном я думала, какие вещи возьму с собой Казань. Нужно

брать то, чего там точно не купишь – все остальное наживное. Я составляла в голове список того, что мне жизненно необходимо – меня ждала дорога в новый дом. Жаль, что в тот момент не заиграла наша с МКС песня «Дорога в мой дом – и для любви это не место». Что там нет пространства для любви, я тогда не догадывалась.

Как себя чувствовал МКС, когда я сухо написала, что не приеду? Все понял? Или подумал – ну и фиг с ней, тут такая рыжеволосая и длинноногая у бара, чем не вариант? Он думал вообще? Переживал? Почему не написал на следующий день? Уже нашел замену или ждал моего хода? Он меня вообще ждал? Или просто хотел разбавить моими духами флер пятничного вечера...

Расскажу ли я о случившемся с МКС *Татарстану*? Конечно же, нет. Формально, мы не были вместе, а значит – это не измена. Проявление слабости. Или чувства. Но о втором диагнозе я тогда не хотела думать. Надеялась, что выберусь из пут Первопрестольной в Казань, а там все как-нибудь да наладится, тем более придумывать принты к футболкам и вести социальные сети я дистанционно смогу. На этой мысли я уснула. Мне приснился МКС, поедающий чак-чак. Он протянул мне кусок и спросил: «Хочешь?». А я молчала. Он повторял: «Хочешь?». Я продолжала молчать. Я хотела. В Казань, чтобы про него забыть.

МКС не мог добавить к сообщению, что он меня ждет, десять букв через запятую – «соскучился». И тогда «Скучаю» Татарстана разбилось бы вдребезги, изменив траекторию движения и маршрут моей жизни.

Странно и противно признавать, но я почти уверена, что МКС никогда не думал обо мне в таком разрезе, как я распотрошила его для того, чтобы переосмыслить свою историю. Просто прошла по периферии его жизни, возможно ярким, но пятном, которое можно оттереть. Другой женщиной. Даже не так – любой женщиной. Или само на солнце потускнеет. А там если не фокусироваться специально, то и не было никогда.

Риски меня как проекта

Когда делаешь SWOT-анализ, главное сразу обозначить потенциальные риски. Нет, туда можно не вписывать весь список форс-мажоров от чумы до наводнений, хотя, находясь в 2023 году, я и это начинаю просчитывать бэк-вокалом. Вот уже непонятные белые шары бороздят воздушное пространство соединенных штатов и КНДР. Их сбивают по протоколу борьбы с НЛО.

Например, если вы запускаете стартап, связанный с одеж-

дой, то должны предусмотреть сезонность и логистические риски с поставками ткани. Часто мы жадничаем, недооцениваем потенциальный спрос на весенне-летний период и попадаем впросак: ткани остается пятьдесят метров, а прошлые коллекции до последнего рулона раскуплены, в Италии все на сиесте, ждите осени или носитесь по подмосковным хранилищам, вдруг у оптовиков втридорога завалялось. Я через это проходила.

Но какие риски у меня, как у божественного или биологического проекта? Основной, что я... рисковая. Это самое точное слово – я всю жизнь ставлю на zero, я свою карьеру туда не раз ставила, а сердце и нервную систему – на постоянной основе. Все свои решения в итоге принимаю сердцем, могу расписать плюсы и минусы, и даже если минусы будут перевешивать стократно – я послушаю сердце, или даже левую пятку. Часто моя левая пятка попадала в цель, но иногда – в капкан. Так жизнь учит тебя жизни. Так жизнь учит тебя ценить.

Хотите, я забегу на семь лет вперед, чтобы вы просто понимали, к чему мы сейчас катимся с МКС? А дальше продолжу рассказ, вернувшись к истокам.

В 2019 году было полтора года, как мы не общались с МКС. В последнюю нашу встречу хмурой осенью 2017 го-

да я пыталась ему объяснить, что теперь не одна, и нам надо прекратить видеться, это переходит границы дозволенного. Он не реагировал. Аргумент существовал такой: пока на правой руке нет кольца, меня ничего не волнует, и ты никому ничего не должна. Я вырывалась из объятий и выбегала из машины, ставила телефон на авиарежим, в очередной раз пытаясь с ним завязать. Наверное, поэтому я и наркотики никогда не пробовала, ибо знаю, как тяжело бороться с зависимостью, если ваши химические элементы соприкоснулись.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.